

63.3(280с=4к.мр)
У69

УРЖУМСКАЯ СТАРИНА

◆ Краеведческий альманах ◆ Частное издание ◆ № 1—2 (7) 1992 г. ◆

В следующем выпуске альманаха материалы, посвященные поэту Николаю Алексеевичу Заболоцкому, имя которого связано с Уржумом. В выпуске также статья о лесопромышленнике И. В. Бердинском.

0/м

Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

Краеведы. Клавдия Ивановна Зайцева	1—2
Из истории уржумских селений. К. Зайцева.	
Заводы шурминские	2—7
Е. Бушков. Русский Турек	7—11
Н. Комлев. Шуран	11—14
Уржум в старых открытках. Н. Пентина.	
Северный квартал главной улицы	15—17
Документальный очерк. В. Карпов. «Идущий до конца»	18—23
Реки и озера района. В. Стародубцев. Буй	23—25
Люди земли уржумской. Садовод М. Н. Русских	27—32
Копилка краеведа. В. Семибратов. Попали в анекдот	32
Из недавнего прошлого. В. Ветлужских.	
Опальный поэт из Беларуси	33—37
Листая пожелтевшие страницы. В. Любимов.	
Уржумовы. — Значит из Уржума?	37

Почтовый адрес издателя: 613530. Город Уржум Кировской области, улица Советская-25, центральное почтовое отделение, абонентский ящик № 9 Ветлужских Владимиру Алексеевичу.

Альманах массово-политического направления, историко-архивной тематики.

При перепечатке материалов ссылка на «Уржумскую старину» обязательна.

Альманах издается с 1991 года, периодичностью — шесть номеров в год. Объем 2 усл. печ. листа.

Оформление обложки — художник В. Г. Красников.
Корректоры: А. Глазырина, Н. Шекина.

Уржумская тип. Заказ 978. Тираж 1000.

63.3(2Рос:4Кир)
У69

◆ «Уржумская старина» ◆ № 1 - 2 (7) ◆ Январь - апрель 1992 года ◆

✻ Краеведы

Клавдия Ивановна Зайцева

На этом снимке —
Клавдия Ивановна Зай-
цева. Ее материал по
истории Шурминских
заводов читайте на сле-
дующей странице аль-
манаха. Для «Уржумской
старины» подготовила
Клавдия Ивановна еще
несколько публикаций,
одна из них — об учи-
теле из Шурмы Влади-
мирском, другая — о де-
ятельности земства в
Шурме.

Многие из вас, уважаемые читатели, те, кто любит и знает историю своего края, не раз читали материалы по истории села Шурмы, подписанные К. Зайцевой. Это Клавдия Ивановна Зайцева, она запечатлена и на этом снимке в годы своей молодости.

Клавдия Ивановна живет сегодня в Екатеринбурге, вернее недалеко от него, но связи с родиной своей не прерывает. Какой кропотливый труд вести краеведческие разыскания, но привязанность, любовь к нему Клавдия Ивановна пронесит через многие годы.

Родилась Клавдия Ивановна в деревне Даровские Шурминской волости в семье крестьянина в 1919 году. Отец ее Иван Андреевич ушел добровольцем в Красную Армию и в 1919 году погиб.

Как и все сельские дети Клавдия Ивановна училась в школе. Закончила Шурминскую школу в 1939 году. Позднее училась в Елабуге в учительском

Буйская детская
библиотека-филиал № 3

41488/21

института, работала преподавателем в разных школах нашего района, в Больше-Райской школе преподавала географию, в Адимской (ныне Маложинской район) села историю. Трудилась она в артели «Большевик», была инженером ПБНО, работала в Осовнахине.

Но судьба распорядилась так, что уехала в 1950 году Клавдия Ивановна на Урал. И там не порвала с педагогической деятельностью, работала воспитательницей в детском саду.

В 1974 году вышла на пенсию.

Часто на страницах районной газеты выступает она с материалами по истории Шурмы. Темы ее публикаций самые разнообразные. Писала она немало по истории Шурминских заводов, рассказывала читателям родословную владельцев этих заводов Мосоловых.

А сколько интересных фактов было приведено ею в материалах по истории больницы, школы в Шурме, о маслоделении, о людях, чьи имена забыты, но кто сделал немало для развития села.

Сколько старинных газет, документов, пришлось просмотреть Клавдии Ивановне Зайцевой, чтобы найти, дать возможность и другим узнать интересные факты.

Работая так-то в областном госархиве, я обнаружил в списке исследователей, работающих с делом, которым и я заинтересовался, подпись К. Зайцевой, о которой я хорошо знаю. В деле (это тапка, в которой систематизированы документы, касающиеся одной темы) были собраны документы прежде гражданской войны и установлении Советской власти. Я понял, что здесь наверняка есть материалы, касающиеся нашего района. И точно обнаружил документы по Шурме. Смотрю другое дело — и тоже самое. Работа в архиве непростое дело, да и не каждый из краеведов использует эту возможность. Есть среди нас и такие, кто предпочитает опираться уже на готовые, опубликованные факты.

Но работа в архиве — это и не единственный источник пополнения своего арсенала. Переписка со старожилами, запись воспоминаний — это не менее интересное направление краеведения. Притом живое, позволяющее узнать мельчайшие, порой упускаемые при составлении документов подробности. И здесь Клавдия Ивановна использует и использовала возможность провести разговорами более полно.

Для альманаха «Уржумская старина» Клавдия Ивановна подготовила неслабую материалов. Лишь немногие из них пока увидели свет, были опубликованы, с большинством же, уважаемый читатель, вы еще познакомитесь. И уверяю вас, это будут интересные и объективные исследования.

В. ВЕТЛУЖСКИХ.

Из истории уржумских селений

Заводы шурминские

В мае 1730 года хановские купцы Александр Фирсович Прозоров и Венифатий Иванович Дряхлов послали для рыбной ловли в низовья Вити посадского человека Тимофея Рукавишников, который и обнаружил в «горах Шурминских» Уржумского уезда руду.

Указом от 18 января 1731 года Петр I предстали дворянам и купцам

право покупать и строящимся заводам деревни с условием «дабы те деревни всегда были при тех заводах неотлучно». Такие заводы назывались «посессионными». Для обслуживания заводов отводились правительством дачи и рудные места. Для завода требовались вода и лес. Всего этого в районе Шурмы было достаточно. Купцы решили построить завод.

9 марта 1731 года было получено дозволение Берг-коллегии. К заводу приписали крестьян, наняли мастеровых.

На берегах речки Шурминки, правом притоке Вити, была возведена плотина, а в нее проделали пустяки воду, поступающую затем в длинный водовод, срубленный из толстых бревен (такой водовод назывался ларем). Из лара вода по деревянным трубам подавалась на колеса, которые приводили в движение воздуходувные мехи у доменных печей и горнов.

В 1732 году после упорного наторного труда крепостных крестьян и дряхловых износ Шурминский Медеплавильный завод с двумя печами. По стародавним лесным дорогам, только что проложенным, потонулись тяжелые катоба с медной рудой. И вот исчезнуло ларево плавильных печей, пошла ватская медь.

Вся медь заводных заводов, и не менее двух третей с частных, поступала на монетные дворы. Казна покупала медь у частных промышленников по принудительной цене — 5 руб. 50 коп. за пуд. Из нуда меди монетные дворы выпускали 16 руб. денег. Если вычесть производственные расходы, связанные с чеканкой денег, то казна от каждого пуда меди получала 10 руб. чистой прибыли. Выгодность этой операции прекрасно учитывалась правительством и оно всячески способствовало развитию медеплавильного производства, безотказно приписывая к заводам государственных крестьян.

В 30-х годах XVIII века на Урал прибыл для управления казенными заводами В. Н. Татищев. Инструкция Татищеву, утвержденная в 1734 году императрицей Анной Иоанновной, разрешала приписывать государственных крестьян к частным заводам из расчета 100—150 дворов к доменной печи, 30 дворов — к молоту и 50 дворов — к медеплавильной печи. У Прозорова в 40-х годах находилось при заводе 283 приписанных крестьянина и 375 пришлых.

После смерти Дряхлова Прозоров вынужден был отказаться от дальнейшей эксплуатации Шурминского завода «за одиночеством своим» и «дальностью до него пути». Завод захирел, часть рабочих занялись земледелием, а безземельные заводские рабочие уходили на отхожие промыслы.

БОЛЬШОЙ известностью в первой половине XVIII века в металлургии пользовались выходы из Тульской оружейной слободы купцы Мосоловы. Фирма Мосоловых начала свою деятельность в составе четырех братьев: Алексея, Макария, Ивана Вольшого и Ивана Меньшого. В феврале 1747 года Иван Меньшой Мосолов, действовавший от имени фирмы, заключил контракт с Прозоровым на аренду Шурминского завода сроком на 5 лет. Условия аренды были чрезвычайно выгодны тульским промышленникам — они должны были платить Прозорову за каждые сто пудов выплавленной чистой меди по 80 копеек. Если учесть, что Мосоловы получали в свое распоряжение не только производственные сооружения, но и рудники, сменные докосы и, что наиболее важно, приписных крестьян, то уплату 80 коп. за пуд надо считать мизерным вознаграждением.

Три года спустя, Мосоловы решили купить Шурминский завод.

8 марта 1750 года Берг-коллегии, хотя и не единогласно, но все же утвердила акт купли этого завода за 5 тысяч рублей.

В 60-е годы XVIII в. в Шурме в основном уже работали крепостные крестьяне, переданные владельцем из собственных, доставшихся по разделу с братьями, деревень.

В дошедшем в гос. Берг-Коллегию сообщении, что при Шурминском заводе «присущих гос. и поместных крестьян нисколько не имеется».

Тут же указывается состав рабочих этого завода: «1. Перебеденных с других его заводов Мосолова заводчиков из деревни крестьян — 37, 2. швейцарских — 3, 3. Причисленных к одному заводу... непоминных родства — 43. Итого имеется мужеска полу 100 душ».

Данные о переводе крестьян на Шурминский и Буйский заводы мы находим в сведениях: в 1771 г. — «было переведено — ... 1. Из Тульского уезда из селца Кряково и деревни Пировой — 22 души, 2. Из Алексинского уезда Гереминского стана из деревни Сотинной и из селца Березовки — 10, 3. Из Калужского уезда из деревни Саломасова — 2, 4. Из окладгородского стана из селца Прищи — 5, 5. Из Новоторжского уезда Тверской губернии из селца Меленина и из деревни Пожитовой — 23, 6. Непоминных родства — 2, 7. Из Алексинского уезда деревни Бастыиной — 2 души.

НЕДАЛЕКО от Шурминского завода в том же Уркумском уезде М. Мосолов арендовал казенную мушную мельницу, к которой он «собственными капиталом» пристроил лесопильню. Старишем его сына Антипа в гугу Ивана на севере реки Камы найдены были два месторождения меди. Максим Мосолов в августе 1764 года выразил желание построить на готовой плотине на р. Буй медеплавильный завод с шестью печами. Указом Берг-Коллегии 28 сентября 1767 года на р. Буй разрешалось строительство лишь молотового завода, а в медеплавильных печах было отказано до тех пор, пока не отыщут благоприятные руды. Строительство Буйского молотового завода осуществлялось уже после смерти М. Мосолова. Началось оно 15 сентября 1769 года. Первоочередные сооружения были завершены 2 января 1770 года, когда на единственном молоте начали передел чугуна, доставленного с Златоустовского завода.

Максим Мосолов, видимо, умер в 1768 году. Два сына 13 июля 1768 года обратились в Берг-Коллегию с донесением, в котором сообщили, что полюбовно поделили между собой оставшееся наследие.

Старишему сыну Василию достался Златоустовский завод, а младшему Антипу — Мышерский доменный и молотовый завод, а также строящийся молотовый завод на р. Буй. За наследниками числилось долгов 70 153 рубля. Из которых 40 153 руб. должен был погасить Василий, а 30 тыс. рублей Антип. В дополнительных условиях была оговорена обязанность владельца Златоустовского завода: в течение трех лет снабжать чугуном переделный Шурминский завод.

Василий Мосолов в 1758 году продал Златоустовский завод тульскому купцу Лариону Ивановичу Лугинину за 85 тыс. рублей, погасил вексель и остался компанейщиком на 10 процентов у Лугинина.

Полноправным владельцем Шурминского завода стал Антип Максимович Мосолов. Перед ним встала новая задача. Л. М. Лугинин отказался выполнять условия, поставленные между братьями, он не доставлял на Шурминский и Буйский переделные заводы чугуна.

А. М. Мосолов 9 сентября 1770 года получил разрешение на строительство Залазинского завода и привел его в действие 11 февраля 1772 года.

13 АПРЕЛЯ 1778 года А. М. Мосолов обратился в казенную палату Вятского наместнического правления с просьбой расширить Шурминский переделный завод, три молота которого не справлялись с переделом чугуна Залазинского завода в железо, вследствие того, что речка Шурминка, писал приказчик, «водою недовольна» и три молота за оскудением воды действовать всегда не могут. Мосолов решил на той же речке Шурминке, в версте от старого завода, на месте, где стояла лесопильная

мельница, построить еще один переделный завод с одним действующим и одним запасным молотом».

Оба переделные Шурминские заводы Антипа Мосолова передал своему сыну Ивану в 1788 году после его выхода в отставку в чине поручика.

В государственном архиве Кировской области (ГАКО) имеется такой документ «Переписки с Вятским наместническим правлением о передаче заводчиком Мосоловым Шурминского завода во владение своему сыну Ивану Мосолову». (Ф. 176, оп. 9, Д. 54 с 5—12 марта 1788 года).

А. М. Мосолов в сентябре 1778 года подал челобитную на владение сыну Ивану Буйского завода.

Владея двумя Шурминскими и Буйским заводами, поручик Иван Мосолов был лишен хозяйственной самостоятельности, ибо все его предприятия были переделными и находились в прямой зависимости от поставок чугуна с Залазинского завода. Эту самостоятельность Иван Антипович приобрел лишь после пуска Шурми-Никольского завода.

Антипа Мосолов намеревался построить пробную «домну» на речке Шурминке еще в 1786 г., но Вятская казенная палата отказала в праве заводладельца на эксперимент. Тогда отец и сын Мосоловы в начале 1786 года решили построить на той же речке Шурминке рядом с двумя переделными заводами одну домну в двух—трех верстах от бывшего медеплавильного завода.

Разрешение на постройку завода было получено 10 июля 1786 года (ГАКО ф. 583, оп. 6, Д. 772) «О постройке новой домны на Шурминском заводе Мосолова. Отношение казенной палаты в наместническое правление от 5 августа 1786 года, журнальное постановление наместнического правления от 7 августа 1786 года разрешение заводчику И. Мосолову постройке новой домны для выплавки чугуна на Шурминском заводе в Уркумском округе на речке Шурминке».

Новый завод с домной и двумя молотами получил наименование Шурма-Никольский, начал плавку чугуна 18 февраля 1788 года.

В итоге промышленного развития отца и сына Мосоловых в конце XVIII века за Антипой числились Мышерский и Залазинский, а за сыном Иваном — Шурма-Никольский, Шурминский и Буйский заводы.

МАНИФЕСТ, Положение и «Дополнительные правила», касающиеся частных горных заводов Урала, были доставлены в Вятку 9 марта 1861 года. Обнародованы в губернском центре Вятке 12 марта 1861 года. В июле были утверждены образцы уставных грамот для имений Вятской губернии. Форма уставных грамот для заводов Вятской губернии состояла из пяти частей, но на практике, в том числе Мосолов, ввели еще две части, определяющие порядок найма рабочей силы на завод.

В связи с отменой крепостного права в ряде заводов возникло рабочее волнение. 19 апреля 1861 года возникло рабочее волнение на Залазинском заводе. 20 мая 1862 года — на Буйском заводе. Рабочие выдвинули к заводладельцу 21 требование. В ноябре 1862 года было волнение и на Шурминском заводе, в связи с введением уставных грамот. Откачиваясь принимать уставную грамоту, рабочие добивались бесплатного наделения их пахотной землей, выгоном и лесом, изложенные в грамоте постоянные условия заводских работ, порядок оплаты труда; вознаграждение за выслугу лет. Не получив удовлетворения, возмущенные рабочие Шурминского завода, возглавляемые Иваном Игнатьевым, 16 ноября собрались на самовольный сход. Считая волостного старшину выразителем и защитником интересов заводладельца, они отстранили его от должности и избрали нового из своей среды. Прибывшие на завод земский исправник и мировой посредник подавили волнение полицейскими мерами.

Таким образом порыва недовольства Шурминских рабочих хватило лишь на самовольный сход и замену старшины.

В 1861 году Шурминские заводы были взяты в казенное управление на два «приметных деи» — не только на уплату долгов, но и на выплату зарплаты рабочим Шурминского завода наследниками Мосоловых.

Урюжский земский исправник 20 декабря 1862 года сообщал витескому губернатору, что на Завалинском, Буйском и Шурминском заводах Мосоловых «небольшое число рабочих остается без работы. На остальных заводах предполагается уменьшение производства, на некоторых же совершенное его прекращение».

В 1871 году в докладе о счетоводстве, отчетности, недоимках по земским сборам, страховым платежам и больничным суммам, сообщалось: «...Недоимки губернского сбора, образовавшиеся до 1868 года: 1. С земель горного ведомства гг. Мосоловых — 8593 р. 90 коп. 2. С господ Мосоловых за бывших дворовых людей — 974 р. 65 коп. 3. Недоимки, оставшиеся за горным ведомством за земли и фабрики гг. Мосоловых по неосостоятельности их и уплате, все включены в опись имущества Мосоловых для продажи их с торга».

Видимо, покупатели на Шурминские заводы не было, они находились в казенном управлении и «Памятные книжки Вятской губернии» печатали о них сведения.

Памятная книжка Вятской губернии за 1866—1867 годы сообщала, что дворов в Шурме — 213, жителей — 786 мужского и 816 женского, а общего пола 1602 души. Две каменные церкви. По воскресеньям еженедельные базары. Чугуна и железа в 1862 году выделано на Верхнем, Среднем и Нижнем Шурминских заводах 44 тысячи пудов на сумму 50 тысяч рублей.

Сбыт железа производился в Казань, Липсов, Саратов и Нижний Новгород, в Буйск.

Памятная книжка Вятской губернии на 1873 год сообщала, что «Шурминские заводы принадлежат наследникам секунд-майора Мосолова и состоят в казенном управлении...» Руда, необходимая для заводов, добывается на расстоянии от 25 до 100 верст от заводов, в разных местностях, на отведенных заводу рудниках. Железных руд добывается: горной около 20 тысяч пудов, болотной до 24 тысяч пудов и прочих до 11 тысяч пудов. Для переработки заготовленных железных руд имеется при заводе (для выплавки чугуна) доменная печь — 1, для переделки из чугуна железа кричных горнов — 13, молотов, приводимых в действие посредством водяных колес — 11. Всего перерабатывается чугуна 22 100 пудов по 41 копейке за пуд, железа — 3300 пудов по 90 копеек за пуд, разных изделий для вольной продажи всего неполняется на сумму 12 000 рублей.

В заводе всего жителей — 1500 человек, церквей — 2, школ — 2 (женская и мужская), при заводе находится больница, содержащаяся за счет земства.

В Календаре Вятской губернии на 1886 год упоминается управляющий Шурминского завода и лесов потомственный дворянин Семен Петрович Баклевский. Следовательно завод в 1886 году еще работал. Но и взятые в казну заводы давали большие убытки. Из-за невысокого содержания в рудах железа и скудости запасов производство чугуна было прекращено.

3 АВОД покупает Ершов Иван Иванович, подтверждением является «Инвентарная опись чугуно-литейного завода стоимостью в 5795 рублей. (ГАКО ф. 612, оп. 2, ед. х. 897, л. 1—12). Было это накануне революции.

В газете «Красный пахарь» в 1925 году в номере 11 от 15 марта на с. 4 было напечатано объявление: «В Шурминском механическом чугуно-литейном заводе вырабатываются новые молотилки... Принимаются заказы на чугуно-

литые и производится ремонт сельскохозяйственных машин и орудий с заменой чугунных частей. Адрес: Шурма, механический завод, И. И. Ершову».

Позднее владелец завода удалился на Енисей.

В 1925 году Шурминские механические мастерские вошли в состав Урюжского ДОКа.

Заводы Верхне-Шурминский и Нижне-Шурминский переделывали чугун в железо. О качестве железа хорошо написал директор центральной научнотехнической библиотеки А. Шарц в ст. «Шурме — двести тридцать лет».

«Железо, выкованное на Шурминском нижнем заводе отличалось от железа других заводов своей мягкостью, ровным матовым цветом и успешно конкурировало с известным демидовским железом под маркой «Старый соболю». Шурминское железо имело еще одно качество — оно не подвергалось коррозии. В 30-х годах советские металлурги установили, что первые партии железа с Шурминского Нижнего завода имели естественную примесь меди (до 1,5 процента). Советские ученые составили сплав под маркой «Д. С.», что означает «Дворец Советов». Новую непревзойденную сталь выпускали для строительства в Москве Дворца Советов».

М АСТЕРСКИМИ Шурминских заводов изготовлялись печные вьюшки, дверцы и печам, задвижки, заслонки, котлы, сковородки, двухрядковые умывальники, половые и надгробные плиты, узорные ограды, серпы, косы и другие изделия.

«Медные вещи, особенно посуда, отличаются довольно удачно. В этом отношении заслуживает внимание завод Шурма-Никольский, где ваграночная печь обеспечивает даже некоторыми галантерейными вещами; иногда довольно удачно стилизуемыми, по крайней мере сколько можно требовать по качеству чугуна, получаемого из вятских руд и искусству наших мастеров» (Вятские губернские ведомости» ст. Влинова «Чугуно-литейное производство в Вятской губернии» 1847 год № 30).

Сейчас в Шурме от завода осталось каменное здание бывшей заводской конторы, плотины водосливов в Верхней и Нижней Шурме, церковная колокольня, ограда дома Мосолова, а позднее купленного Бердинским. Ограда сделана руками заводских рабочих и потомками крепостных крестьян, которых Мосоловы перевели из своих Подмосковных вотчин.

К. ЗАЙЦЕВА.

Русский Турек

ЭТОТ материал, написанный Евстратием Ивановичем Бушковым, подготовила к печати краевед из Русского Турека, учительница средней школы Татьяна Александровна Воробьева. Она занимается краеведением, изучает историю села, собирает интересные сведения о застройке Русского Турека, о людях, которые жили и живут в Русском Туреке.

Т ИХО несет свои воды река Вятка. С незапамятных времен поселился на ее берегах человек. Первыми поселенцами здесь были марийцы. Когда пришли русские, коренным жителям пришлось потесниться. Часть из них ушли в Камойково, другие — в Кизерь. А Турек стал называться Русским Туреком.

Селение состояло из двух десятков домов, стояло на вытоде речки Турек, впадавшей в болото Кочкарное на берегу Вятки. Верхняя улица повернута к Вятке, от которой было примерно полкилометра, а нижняя — к болоту. Речка Турек была в то время многоводной с низкими берегами. Кругом лес.

По мере заселения сюда прибывали люди, были среди них и ремесленники, торговые люди, духовенство.

Началась интенсивная вырубка леса, сплав его. Вырубали в начале только лес, который рос на правой стороне реки Турек. Слева лес охранялся государством и его долго не рубили, хотя позднее начали вырубку и здесь — в начале вели частничную (выборочную) вырубку.

Если раньше боялись ходить из Турина на трект до Малмыжа, опасаясь встретиться медведю, то в XIX веке лес отступил и поредел. Между Туреком и Кизерью, Туреком и Камышовым, Туреком и Дергачами были чистые земли. Растительность поля, звери уходили дальше в глухие леса.

Хлеб на новых землях рос неплохим, близость воды (река Вятка) позволяла транспортировать его водой — вести торговлю обмен. Появились скупщики хлеба в Русском Туреке. Стало развиваться и судоходство.

Кто же были первые поселенцы? По преданию, первыми в нашей местности русскими были староверы, приплывшие с верховьев реки Вятки с Омутнинского края. По одним предположениям, пришли они добровольно, по другим — были административными ссылками. Поселились по обе стороны речки Турек, потеснив народ мари.

Коренными жителями Турека считается род Бушковых, состоявший из нескольких семейств. Позднее появились Шамовы, Корепины, Улановы.

Лес вырубался, местность антропогенная. Вятка, подмывая берега, подошла к Русскому Туреку, вобрав в себя болото Кочкарное.

Поскольку река Турек раньше впадала в болото, на устье ее была построена земляная плотина, стояла вода.

ная мельница, оставшаяся еще от племени мари. Когда Вятка проложила себе новое русло по болоту, плотину подмыло. Тогда ее подняли выше. Сделали плотину там, где в настоящее время проходит дорога через Моленский мост. Плотина здесь простояла недолго, ее тоже подмыло. Тогда плотину подняли выше по течению. Плотина работала несколько десятков лет, но из-за вырубки лесов река мелела, поэтому плотину ликвидировали, и, отступив, сделали новую. Сделали мост.

Жилые дома строились вдоль берега речки Турек и улица имела те же изгибы, что и река. Значительно позже, уже после пожара 1825 года, когда выгорела практически вся улица, строится новая улица, улица стала прямой.

Источником состояния Бушковых, занимавших главенствующее положение среди жителей, стала продажа хлеба и леса. За несколько десятков лет род Бушковых окреп. К концу прошлого, началу нынешнего столетия эти семьи вполне успешно занимались торговлей. Степан Бушков с братьями торговали лесом, а Корней Бушков с братьями — хлебом.

К Бушковым стокается в поисках работы беднота, ремесленники. Так в Туреке появились семья кузнеца Зубарева. Эта семья поселилась и долгое время жила там, где позже стояли колхозные амбары.

Село растет. В начале XVIII столетия современная Советская улица удлинилась до кладбища, и там остановилась, повторяя русло реки. Современная улица Кооперативная в то время остановилась у Верхнего моста, получившего название Самарцевский, по фамилии содержателя. После пожара 1825 года современная улица Советская начала отстраиваться заново.

Во второй половине прошлого столетия начинается заселение улицы по трассе Уржум-Малмыж (ныне это Партизанская улица, или Малый Турек). Основание положил один из рода Улановых, который выехал и построил себе дом на новом месте, в настоящее время здесь уже улица (Красноармей-

ная). Там же начинает селиться Сидорова, приезжающая в Турек.

В 1885 году в Русском Туреке построена церковь. С ее открытием деревня Турек переходит в разряд сел. К этому времени в селе Русский Турек живут уже приглашенные купцами Бушковыми и Шамовыми ремесленники — кузнецы Серебряковы и плотники Самарцевы.

В 1862 году по Вятке прошел первый пароход, появилась необходимость заготавливать дрова. Этим в Русском Туреке занимался Семен Корнеевич Бушков. На берегу Вятки стояли его же разборные амбары. В них шла заготовка пня, кудели всех сортов. За 20-15 копеек в день работали там наемные рабочие — преимущественно женщины. Другим Бушковым такая предпринимательская деятельность не понравилась, они подкупили турецких крикунов и выжили заготовительные амбары из Турека. Их перевезли в Медведок.

Брат С. К. Бушкова — Грифон Корнеевич Бушков занимался скупкой зерна. Его амбары большой емкости стояли под железной крышей на берегу реки Вятки до 1958 года.

Пока можно было занимать новые земли, жилось вольно. Но скоро свободных земель не осталось. Тогда землю стали делить по хозяйствам, в которых учитывались только ревизские души (то есть мужчины). Таким образом хозяйства имели от 3 до 15 гектаров земли и больше. Тот, кто получил землю раньше, не соглашался с ней, а вновь прибывшие получали свой надел в самых разных местах. Делили по жребию. Присвоив преимущества пользовались Бушковы, которые за трактом даже развели сад.

В начале XIX века в село приехали торговые люди Заболотский и Лохтин, которые занимались скупкой и сплавом леса.

Село разрасталось. К 1890 году в нем была и гостиница Матвеева, где люди могли играть в бильярд. Было несколько торговых лавок с бакалейными товарами.

Позднее на берегу Вятки, там где сейчас склад № 10 заготзерно, лесом.

торговец Лохтин выстроил двухэтажный шестистолный дом с прирубом, в котором открыл ресторан с комнатами отдыха для приезжавших на пароходе. Близкие и хозяевам люди имели возможность тоже богатеть. Они настраивали в селе большие дома — одноэтажные, двухэтажные с красивой отделкой.

В 1911 году Бушковы наконец-то добились организации Русско-Турекской волости с выделением ее из Теребиловской волости. Здание волостной управы перевозили из Устья-Кильмези, поставили его за свой счет. Это был двухэтажный дом. Здание стояло между современной улицей Красноармейской и улицей Кооперативной до 1932 года. Потом его перевезли в Шурминскую МТС.

В 1880 году Родион Матвеевич Бушков поставил большое двухэтажное здание. Верхний этаж был поделен: часть жилое помещение, часть отделил под почтовое отделение. Через некоторое время он поставил рядом еще один дом и переехал в него сам, первый дом оставил сыну. Но с гражданской войны, как погиб сын и уехала его жена, из дома пустует.

В селе Русский Турек было немало староверов, которые боялись мирской ереси и всячески отвлекали детей от изучения псалтыри.

А Бушковым для ведения дел нужны были грамотные люди. Они обратились в Уржум за разрешением открыть в селе классы на дому по программе народных училищ. Разрешение было получено. В 1870 году бывший волостной писарь Николай Васильевич Стародумов начал обучать несколько человек. Это был первый учитель в селе Русский Турек. Первая начальная школа открылась в 1896 году. В ней обучались 10 учащихся от 10 до 16 лет. Здание находилось на берегу реки Вятки в конце улицы Кооперативной. Сейчас это территория заготзерно (хлебоприемного предприятия).

Здание было двухэтажное. Содержало школу земство. Обучали в этой школе только мальчиков. Школа в этом здании была до 1924 года, потом

ка перевозили в здание волостной управы.

Для девочек около церкви была другая школа. Называлась: «Церковно-приходское училище». Позднее само здание перевезли и поставили за трактом Уржум — Малым, помещая в него птичник колхоза «Давгатель».

Из числа учащихся в этих школах, некоторые потом учились в Шуринском двухклассном училище, в Уржумском городском и реальном училищах. Преимущественно это были дети богатых, состоятельных родителей.

В 1910 году в Турке появились первые машинисты. Их приобрели дворянские братья Бушковы — Григорий Никандрович и Миней Степанович. А с 1912 года в богатые дома пришел водопровод, так как эти же братья поставили из ключе насосы (тараны).

В 80-е годы прошлого века в селе появились первые ссылки. Они были высланы на поселение. Кто-то из жителей знакомился с ними, подружился, заинтересовался их политическими делами. От ссыльных получали запрещенную литературу Николай Харитонович Бушков, Евстигней Иванович Быков, Николай Андреевич Корепин, Леонтий Иванович Пестов.

На войну 1914 года сразу ушло до 50 человек. Особенно было тяжело тем, кто остался без кормильца, так как к 1916 году из продажи исчезли некоторые продукты питания, дешевые промышленные товары. А лесопромышленники Бушковы и заводчики Шамовы получали прибыль. Бушковы заготавливали много березы на лопе к винтовкам, а Шамовы — чугуна и железа, которые тоже шли для войны. Те кто работал у них в это время, были поставлены на бронь и на войну не брались.

Так подошел февраль 1917 года. Свержение царя в Турке было встречено с одобрением. В первые месяцы после свержения царского режима немного что изменилось. Не стало урядника, не стало волостного старшины, но вместо них появилось другое начальство.

Волостное правление стало называться Волостной управой, председателем которой стал бывший эсер Александр Ерофеевич Татаринков. Вместо урядника и исправника появились без оружия, но с пояском на рукаве милиционеры. Появились агитаторы от Временного правительства, которые ратовали за продолжение войны.

Но стали приходить домой солдаты, демобилизованные по ранению. Вернулись и пожилые 44—45-летние. Они несли с собой другую агитацию, несли призывы большевиков. С речами разъяснениями выступали Андрей Макарович Бушков, Игнатий Кузьмич Аверин, Петр Захарович Лубанов и другие.

Так подошел октябрь 1917 года. Власть перешла в руки Советов. Совет создавался при волостях. Русско-Туркская волость включала в себя село Русский Турек, Нижнюю, Среднюю и Верхнюю Кизери, деревни Дергачи, Среднее и Верхнее Кемайково, Русское Мишкино, Шорино, село Козмодемьянское, деревню Варно. Жители этих населенных пунктов, готовясь к волостному съезду, провели всюду крестьянские сходы, где избирали делегатов на съезд от 3 до 5 человек в зависимости от количества населения.

На съезде были выбраны члены волостного исполнительного комитета, председателем был избран Игнатий Кузьмич Аверин, заместителем — Андрей Семенович Шмаков, членами стали Иван Петрович Уланов (секретарь) из Русского Турека, Петр Захарович Лубанов из Русского Турека, Василий Федорович Чернов из Дергачей, Николай Солонищев, Илья Степанович Морозов из Козмодемьянского, Петр Андреевич Чернов из Н. Кизери, Николай Степанович Домини из Мишкино.

Все они были беспартийными, никто из членов исполкома не состоял ни в какой партии. Так установилась в селе Советская власть, но парторганизации в селе еще не было. Перед исполкомом было 3 основных вопроса, требующих немедленного разрешения: передел земли (что и было сделано весной), взятие на учет излишков хлеба у богатых, изъятие промышленных пред-

приятий и обложение их промышленным налогом.

В июле 1918 года в селе объявился отряд под командованием бывшего царского офицера Степанова, выступившего против Советской власти. Часть отряда пошла в Турек, заняла здание волостного правления, арестовала членов правления. Командир отряда объявил, что Советской власти в Уржумском уезде не существует. Но недолго правили бандиты, вскоре отряд Степанова был разбит под Шурмой.

В ответ на степановскую банду в селе Русский Турек была сформирована дружина, в которую вошли солдаты-фронтовики и молодежь. Со всей волости в дружину вступило до 80 человек. Руководил ею член волисполкома Илья Степанович Морозов. Штаб разместился в доме Г. М. Бушкова, который ушел вместе с бандитами, бросив дом и скот. Тогда же из села ушли и другие купцы-богатые. Во всех их домах прислуга была уволена, часть скотины взята в фонд РККА, ценности увезли в Уржум, а дома заняли. В доме Г. М. Бушкова разместился штаб красной дружины, в доме Г. И. Бушкова — штаб конного запаса РККА, в доме Заболотского — народный дом, в доме братьев Шамовых — детский дом, в доме Корепина — волисполком, в доме И. Т. Бушкова — клуб детей и подростков.

В связи с тем, что у волисполкома было очень много работы и он не справлялся, создали волостной комитет

Бедноты, в который вошли Александр Викторович Зайцев (председатель), Дмитрий Харитонович Никитин, Николай Андреевич Корепин и Михаил Яковлевич Уланов. Комитет бедноты располагался на втором этаже дома Сидора Фроловича Бушкова, а военный комиссариат был в доме Александры Минеевны Шубниковой. Здесь шла запись добровольцев в ряды РККА. Добровольцами в армию ушли, например, Григорий Яковлевич Уланов, Александр Михайлович Зуберев.

Позднее, когда Советская власть почувствовала себя крепко, функции комитета бедноты были переданы сельскому исполкому. Первым председателем сельисполкома в Русском Туреке был Иван Меркулович Бушков. Он продолжал активизацию бедноты, сбор контрибуции с богатых, учет излишков хлеба, организацию сдачи его на приемные пункты и другую деятельность.

Так началось становление Советской власти в селе Русский Турек.

Е. БУШКОВ.

Евстратий Иванович Бушков родился и вырос, жил до самой смерти в Русском Туреке. В разные годы был организатором сельхозартелей в Русском Туреке, руководил коммунальной именной крестер «Аврора» в Уржуме, был репрессирован. Умный и наблюдательный человек, краевед Е. И. Бушков оставил немало воспоминаний, размышлений как по истории села, так и по истории организации колхозов в селе, районе.

Шуран

Я ДАВНО интересуюсь происхождением названия и историей деревни Шуран. Рассказы стариков, документы, свои наблюдения — все это помогло мне в моих поисках.

Среди марийцев сохранилось предание, которое утверждает, что в дале-

ком прошлом Шуран был марийским поселением, куда позднее пришли русские, постепенно вытеснив марийцев. О происхождении названия Шуран существует несколько версий. Одна из них: в глубоком прошлом в этом селении жила богатая марийка по

имени Шура. Поселение было названо Шуринка (Шуринка деревня), с прибытием русских название изменилось, пока не приняло облика — Шуран. По другой версии: перевод названия Шуран обозначает грязный, замаранный. Если говорить о месте, то место сырое, грязное, заболоченное.

Если говорить о времени основания Шурана, то это скорее конец XVII—начало XVIII века. Мой друг детства Н. И. Михалев, выйдя на пенсию, с увлечением взялся за составление своей родословной. С этой целью он собирал сведения в областном архиве. Из метрических записей по Уржумскому уезду ему удалось выяснить, что уже в 1734 году в Шуране родился Федор Михалев, представитель династии Михалевых, тогда и начал отсчет своего рода Михалевых Николай Иванович.

Михалевы и Комлевы были, пожалуй, первыми русскими осваивавшими Шуран. Были они скорее выходцами с Урала.

Еще в детстве я слышал от своего дедушки Степана Перфильевича, а позднее от отца своего Дмитрия Степановича, что дедка их, Комлевы, выходцы из Курской губернии. Рассказывали такую легенду. Дед Степана Перфильевича Никанор с товарищами, семьями бежал от крепостной зависимости в центр России в северные края. Как добрались до Котельнича, не помню их рассказа, а вот как добрались от Котельнича, помню хорошо из воспоминания. Рубили лес, везли плоты на берегу Вятки и на плотах семьями спускались вниз по реке. Время от времени приставали к берегу. Наш прадед остановился, видимо, где-то недалеко от современного Русского Турека и пошел пешком, пока не приглянулась ему долина реки Шуранки.

Есть еще одна легенда, согласно которой род Комлевы в Шуране появился от выходцев из Лебяжья. Вроде бы некоторые из Комлевых вначале переселились на Теребиловскую купчую землю (Старая Теребиловка), а другие сразу из деревни Комлево Лебяжского района переселились в Шуран.

Есть деревня Комлево и на берегу реки Камы в Ланцевском районе Татарии.

По данным Н. И. Михалева, Михалевы в Шуране в разные годы было разное количество. До 1760-х годов проживало 4 семьи, а в период с 1780 по 1800 годы было 7—8 семей.

Кроме Комлевых, Михалевых, по церковным книгам значатся проживавшие в Шуране Мачехины, Манухины, Бяковы.

В XVIII веке — начале XIX Шуран был окружен сплошными лесами. Поселянам приходилось вырубать лес, расчищать полоски земли под зерновые огороды.

Уже позднее, в последней четверти XIX века, появился еще один Шуран — Малый Шуран. Уже упомянутый Н. И. Михалев сообщает в своих разысканиях родословной, что его дед Василий Михайлович Михалев в 1891 году в числе первых поселенцев переехал из Большого Шурана в починок (Малый Шуран до 1925 года назывался Шуранский починок). Переселение в починок началось, скорее всего, в связи с ростом населения. Земли под пашню стало мало, люди вынуждены были разрабатывать, вырубая леса, новую землю.

В поисках земли приходилось ездить на вырубку леса за 5-10 километров (в Толмек). Рассказывал мне отец, что жил в Шуране Вахрамеев. Ездил он на «Пабердину» (так называлась местность) и прятал там участки земли (тайно вырубал лес, очищая землю под пашню). Рубил лес, жег сучья. Обедать ездил домой. И вот раз, уезжая на обед, не затушил костра. Разыгрался ветер. Пошел лесной пожар. Лес выгорел полосой к Камышовскому лесу километром на пять.

Сравнительно недавно (это еще на памяти дедов) на месте бывшего починка Зеленой Сад был сплошной лес на десятки километров, называли это место «Толмек». Но и здесь постоянно вырубались леса. В «Толмек» уже в мои детские годы ездили с Шураком на заготовку лыка. Из лыка плели умельцы лапти, колоши и пестери, кузова запечные для переноски грибов и ягод.

На берегу речки Уржумки в версте от Шурана на опушке леса, стояло имение Бердинского, дачного типа. На дачу господ приезжали из Уржума по реке Уржумке.

Земля между лесом и деревней Шуран почти до самого Шевнина была берской. Землю эту и лес называли оброчными, отсюда и сейчас этот лес именуется «Оброчный» (Оброчная).

При организации коммуны в селе Шевнина в 1918 году дачное имение Бердинского было передано коммуне. В 1919—1920 годах дачные постройки этого имения коммунары переезжали себе на усмотрение с юго-восточной стороны «Оброчной» в двух километрах от деревни Шуран.

На новом месте из строев поместгоскоммуны построили хлевы для общественного скота, хлебный амбар, хлебопекарню, кухню, столовую и жилые дома. В 1927-1928 годах в оставшихся местах барских постройках жители Шурана содержали в летнее время своих гусей, а лес их тот же сторож, который ухаживал за барским птичником.

Оба Шурана считались крепкими деревнями. Крестьяне здесь собирали урожай выше, чем во многих окрестных деревнях. В Шуранах больше содержалось скота, имелись здесь хорошие лошади. Многие жители владели ремеслами: кузнечным (делали серпы, ножицы), плотницким, столярным, катали вельики и шляпы, выделывали овчины и кони; чеботарями. Некоторые вели торговлю хлебом, сушками, яйцом, мясом, медом.

В зимнее время многие шуранские крестьяне ходили в обозах, перевозили различные товары уржумским купцам в соседние уездные города, Казань и Вятку.

А когда работали заводы, то перевозили и руду в Шурминские и Рожкинские заводы, выплавленный чугун, изделия из него и железа.

Большинство крестьян имели добротные деревянные дома, а то и дома кирпичные. Надворные постройки были многочисленными: хлевы, сараи, амбары, погреба, каретники, кладовые, мо-

лотильные сараи с овинами, бани — все это было почти у каждого хозяина.

Наша семья в Малый Шуран переехала в 1919 году. К 1920 году в починке проживало 27 хозяйств. Не всех помню я, но кое-кого назову. Жили тогда здесь Комлевы — Степан, Василий, Гавриил, Николай, Григорий, Филипп Васильевич, Евстерию Афанасьевича, Евгения Лукьяновича, Никанора Астафьевича, Василия Васильевича, Дмитрия Степановича, Михаил Михайлович, Елизар Дмитриевич, Петр Кузьмич, Павел Степанович, Василий Александрович. Это лишь часть из жителей с фамилиями Комлевы. Жили и Михалевы — Александр Васильевич, Иван Васильевич, Александр Герасимович, Николай Герасимович.

В конце лета 1929 года в Малом Шуране была организована сельскохозяйственная коммуна имени Ленина. Первым председателем коммуны был избран Георгий Семенович Комлев (позднее по вербовке он уехал на строительство Турксиба). Приехал после вербовочного срока домой, закончил шестимесячные курсы учителей начальных классов и работал в Шуранской начальной школе.

Организация коммуны была целым событием для деревни. Обобществляли все! Семена, фураж свозили в общие склады. Инвентарь свозили в молотильный сарай. Лошадей отводили на общие конные дворы, на общий коровник сводили коров. Но коммуна просуществовала недолго: к весне 1930 года она распалась. На ее базе был создан колхоз «Прогресс». Первым председателем был избран Константин Петрович Комлев. В первое лето в колхозе было всего 12 дворов. Год этот удался урожайным, колхозники хорошо получили на трудодни, и к зиме 1930-1931 года в колхоз вошли все крестьянские хозяйства деревни Малый Шуран за исключением подвергшихся раскулачиванию и твердозаданцев выбывших в город. На следующее лето колхозники снова собрали богатый урожай и получили хорошие трудодни. Я помню, как возами возили зерно к колхозным дворам с красным флагом. Потом были и неурожайные годы.

Стабилено урожан начали получать теде с 1937. Пришел достток в семья. В 1937 году колхозники на трудовень получили по 8 килограммов зерна, кро- на того, корм скоту, льносемя, худило. В деревне приступили к строителству новых домов. Колхоз креп, было время, когда в колхозе не хватало на всех ра- боты. Была очередь на работу.

На войну 1941-1945 годов из деревни

Малый Шуран ушли 34 человека, верну- лись в колхоз 11 человек.

Н. КОМЛЕВ.
Николай Дмитриевич Комлев ныне пенсионер, живет в Уржуме. Он автор большой рукописи по истории Шурана и собрана родословная своей семьи. Николай Дмитриевич автор рассказов, пишет стихи. Вот одно из его стихотво- рений, посвященное погибшим на фро- нте.

ТРИ БЕРЕЗКИ

Посадили три березки под окном,
Три березки, три кудряшки вечером.
И растут березки белые мои.
Распускает плети гибкие свои.
Посадили три березки под окном
Трое зятьев уходившие на фронт.
Три березки продолжают жизнь свою,
Зятья с врагом дерутся, все в строю.
Три березки раскудрявыми растут,
А зятья мои погибли — не живут.

Защищали они стойко дом родной
И погибли, не вернувшись домой.
Три березки, три подруженьки стоят,
Днем и ночью меж собою говорят:
«Посадили нас на память о себе
Трое зятьев на родимой стороне».
Три березки, три болячки покланялись
«В память храбрых сохраним подру- ги жизнь,
Раскудрявыми, могучими расти
Память храбрых внукам, правнукам
нести».

Загадки. Присловия. Приметы.

«Солнце с ушами — к морозу»

- Куры и воробьи купаются в пыли — к плохой погоде.
- Зимой вороны каркиют — к морозу.
- Сороки прилетает к жилью и прячется под стреху — к вьюге.
- Куры рано на насест садятся — к морозу. Чем выше, тем сильнее мороз.
- Длинные сухие оловые веточки к метели слываются и распрямляются к хорошей погоде.
- Медведь делает прогноз о весне уже осенью. Если зимой медведь берлоги встремается на высоких местах — значит теплые воды будут обильными и затопят низины.
- Туманный круг около солнца зимой — к метели.

- Солнце с ушами — к морозу.
- Если зимой идут облака против ветра — будет снег.
- Шумит лес зимой — к оттепели.
- Если ночью был иней — днем снег не выпадет.
- Если в мороз вода выступает на лед — скоро будет большая оттепель.
- Вороны каркают стаей — к морозу.
- Яркие звезды на небе — к морозу; тусклые — к оттепели.

Собрал В. СТАРОДУБЦЕВ.

Василий Александрович Старо- дубцев — краевед из поселка Андреевский.

Уржум в старых открытках

Северный квартал главной улицы

Здание на углу улиц Советской и Белинского, где ныне больница, при- надлежало раньше земской Управе. На открытке оно слева. Здание это имеет свою историю.

В 1870 году, когда дом был еще недостроен, купец Палентрейер, владелец его, умер, и вдова его продавала этот дом. В 1873 году согласно постановле- нию земского собрания Управа купила его с торгов за 9 250 рублей для раз- мещения в нем собраний уездного съезда, прогимназии и аптеки, которые находились тогда в арендованных домах.

Прогимназию вскоре перевели и дом Бушкова, здание это тогда было зна- чительно меньше современного. В 1896—97 гг. земское собрание решило пе- рестроить, увеличить здание, тем самым улучшить помещение аптеки и дать помещению земской Управе.

Проект и смету перестройки здания составил техник Лобанов. Предус- матривалось увеличить здание по фасаду (по Воскресенской улице на 10 са- женой и вглубь двора на 9 саженой). В строительстве принимал участие ссыльный студент Петербургской Академии Художеств П. Д. Андреев. На той же стороне были построены и склады.

Работы по перестройке были даны крестьянам Уржумского уезда. Кладка кирпичных стен — С. Соболеву из Пилинской волости, а плотничьи работы — К. К. Новоселову из Сергурской волости.

После перестройки уездный съезд был переведен в арендованный дом Бушнова (теперь Советская, 28) и в верхнем этаже разместились земская библиотека, склад книг и учебных пособий. В дальнейшем книжный склад (так назывались тогда книжные магазины) был переведен вниз, вход был с улицы Велижского. Здесь продавались учебники, художественная литература, тетради, карандаши, бумага, перья и другое.

Нижний этаж занимала аптека с лабораторией, склад медикаментов, здесь же была квартира провизора. Первым аптекарем был немец Видеман, в 1879—1904 гг. провизором был Р. Ю. Келлер, а с 1911 года по 1920 — Э. Н. Витман, его квартира была уже вверху.

Земские управы в России были исполнительными органами земского собрания, которое было распорядительным органом. Выборы в земство проводились раз в три года. Земство ведало строительством больниц, школ, дорог, благотворительных учреждений и другими хозяйственными вопросами, пропагандировало агрономические знания. Первым председателем земской управы в 1867—68 гг. был владелец Ройского винокуренного завода Л. П. Матвеев. Долгие годы с 1872 по 1891 гг. и в 1900—1902 гг. председателем был Е. И. Селюхин (1835—1914 гг.), много стараний положивший на осуществление хозяйственно-строительных дел в городе и уезде. Инициативным деятелем земства был последний председатель — помещик А. С. Дебрефс. Старожилы рассказывали, что имел он авторитет в хозяйственных вопросах и сам был хорошим хозяином. Деятельность земства сыграла большую роль в развитии народного образования, медицинского обслуживания, благоустройства города.

В 1917 году около этого здания произошел митинг с выступлениями солдат и крестьян против Временного правительства, о чем свидетельствует памятная доска на стене дома.

В 1918 году верхний этаж здания занял Райисполком, а в 1933 году Райисполком переехал в дом бывшего владельца С. Д. Шамова (Советская, 44), освободив помещение для поликлиники. Визу по-прежнему была аптека. В 1972 году здание было передано больнице, аптека в 1980 году переехала на Красную улицу.

Здание подверглось реконструкции. На Советскую улицу раньше выходили три крыльца с ажурными коваными решетками, теперь осталось одно-угловое, и этот фасад потерял свой нарядный вид.

За зданием больницы следует каменный двухэтажный дом, где сейчас расположено туберкулезное отделение. Дом этот был куплен земством в 1909 году у купца Царегородцева и был использован для нужд земства, сюда переехала из Управы библиотека. С 1940-х годов здесь были детская поликлиника и глазное отделение больницы.

На больничной территории из четырех деревянных больничных корпусов, построенных в 1881—1882 гг., два корпуса простояли более 100 лет, на их месте сейчас ведется строительство нового здания больницы.

Хирургический корпус построен в 1912—1915 гг., архитектор Д. А. Охотников.

На правой стороне открытки видно всем известное деревянное здание бывшего приходского училища, где учился С. Костриков. Построено оно в 1890 году. Раньше на месте его также было школьное здание — дом уездного училища, построенный около 1848 года. Дом тот имел шесть классных комнат. Затем уездное училище было преобразовано в городское и переведено в новое здание на углу совр. улиц Кирова и Чернышевского. После 1917 года в здании была начальная школа имени Некрасова, а потом интернат для школьников из района.

Следующий дом к северу по Советской улице № 18 принадлежал купчихе В. И. Созионовой («Красный и пайский товары»), а потом им владел сын ее

Н. А. Созионов, торговавший хлебом и мануфактурой, занимавшийся также сплавом леса.

В этом доме в 1930—1980-х гг. жили семьи уржумских педагогов — Миросы, А. А. Зорина, П. П. и Е. Н. Спасские. Дому больше 100 лет.

Дом № 16 строил купец Степанов в начале 1880 или в конце 1870-х годов. В 1902 году этот дом купил городской врач Н. В. Чемоданов, служивший в Уржуме с 1888 по 1917 годы. Зимой 1917—1918 гг. здесь жил М. М. Решетников, будущий ирбиский писатель, педагог, ушедший тогда в реальном училище. Отец его был председателем суда. В 1939—1981 гг. здесь жил глазной врач П. П. Двиницкий.

Далее, на месте дома № 14, построенного в 1940-е годы, был раньше пустырь с навозной ямой, где стояли лошадей приехавшие в больницу крестьяне.

Дом № 12 принадлежал Перевозчиковым, перестраивался в начале века. В 1920-е годы дом купил инженер Амосов, вскоре уехавший из Уржума. В доме № 10 жил священник И. П. Мышкин, законоучитель в гимназии, а с 1910 года им владел податный инспектор В. А. Синцов. Дому более 100 лет.

Дом № 8 до 1917 года принадлежал священнику В. А. Макарову. В 1940—1950-е годы здесь жил известный хирург В. С. Самборский, приехавший работать в Уржум в 1909 году, здесь же жила его дочь — талантливый хирург Н. В. Самборская. После смерти отца эту квартиру, напротив хирургического отделения больницы, пришлось освободить и Н. В. Самборская с семьей была вынуждена уехать из Уржума. На территории двора этого дома в 1974—75 гг. выстроены для особняк для секретаря райкома КПСС.

И наконец, дом № 6. Он принадлежал фельдшеру Г. Т. Шмунеру, почетному гражданину города. Год постройки — около 1900 г. До 1941 года дом был занят общежитием недучища. В 1941—44 гг. здесь были квартиры сотрудников эвакуированного из Ленинграда института «Гипролестранс». В этом доме в 1921 году родился Герой Советского Союза Н. Н. Страбыкин-Юхит.

Тихий квартал украшали деревья вдоль тротуаров. Улица здесь была мощеной. На перекрестке виден столб с газональным фонарем.

И. ПЕНТИНА.

Наталья Борисовна Пентина — краевед из Санкт-Петербурга. Ее размышления по истории застройки и архитектуре Уржума и впрямь будут публиковаться на страницах альманаха.

Календарь краеведа

● 105 лет со дня рождения Павла Дмитриевича Малинова (1887—1965) — команданта Смольного (1917-1918) и Кремля (1918-1920).

С 1941 по 1943 годы он работал в селе Шурма директором райпищекомбината, был организатором рыболовецких бригад.

● 95 лет со дня рождения известнейшей мастерицы дымковской игрушки Зои Васильевны Пенкиной.

Родилась она в 1897 году в деревне Тихоны, близ Уржума.

● 95 лет назад, в 1897 году, Ф. П. Окишеву было разрешено издавать в Уржуме газету под названием «Телеграммы Российского Телеграфного Агентства». Это была первая в Уржуме газета.

● 90 лет со дня рождения генерал-майора Федора Федоровича Масленникова, уроженца села Буйского (1902-1969).

● 90 лет со дня рождения ученого-историка Сергея Васильевича Токарева (1902-1958). Родился в деревне Бутахи.

Уржум был кандидатом исторических наук.

Библиотечная система

Буйская детская библиотека-филиал № 3

★ Документальный очерк

«ИДУЩИЙ ДО КОНЦА»

[Окончание. Начало в № 5 за 1991 год].

КАК ЭТО БЫЛО...

«Дорогие товарищи! Отвечаю на вашу просьбу сообщить вам некоторые подробности о «деле 15 июля 1904 года». Едва ли я могу дать вам что-нибудь новое, кроме того, что уже, наверно, публиковалось в революционной печати, то есть, кроме обнаруженного следствия.

Мой костюм железнодорожного служащего объясняется тем, что дело должно было произойти где-нибудь поблизости вокзалов: в этом костюме я не обращаю на себя внимания среди массы железнодорожников, проходивших там. Предполагают, что бомбу я нес совершенно открыто, под мышкой. По показаниям одной бабы, моя бомба была завернута в газету и походила на колбасу или круг холста.

При появлении на место действия я по обстановке заметил, что встреча с Плеве неминуема... Обстановка была обычная, пленническая: усиленный наряд полиции, конной и пешей, начинавшая с Балтийского вокзала и по всему Измайловскому проспекту. На тротуаре цепь агентов самой разнообразной формы, босая и элегантно одетые господа, то стоявшие в задумчивой позе людей, погруженных в заоблачные мечтания, то прогуливавшиеся ленивой, барской походкой, но на всех лицах канюва печать, у всех алчные, загадочные, блудливые, нахальные взоры. Жутко и весело идти с бомбой под перекрестным огнем таких взоров. Мой защитник Карабчевский весьма метко выразился, что мне пришлось «пробиваться сквозь стену охраны», прибавлю, с риском в любой момент получить неосторожный толчок и взлететь преждевременно на воздух.

Известно, что я шел от Варшавского вокзала навстречу Плеве. Карету министра я заметил очень далеко, шагов за 70 или дальше. О ее приближении я мог бы судить еще раньше по той ажитации, какая началась в этот момент среди полиции и агентов.

Как раз посредине между мной и каретой, приблизительно на самом месте роковой встречи, остановилась конка. Мне пришлось убавить шагу, чтобы дать конке время уехать или карете приблизиться: это-то замедление шага, вероятно, и обратило на меня внимание некоторых свидетелей, утверждавших потом, что они «заметили» меня.

Я очень хорошо ориентировался в окружающем: заметил, что на тротуаре нейтральной публики было больше, чем обыкновенно, около тротуара изредка стояли извозчики, на месте встречи как раз их не было. На мое счастье и конка тронулась, место очистилось. Да и пора было.

Быстро, но не бегом, я пошел навстречу, наперерез карете, с целью как можно ближе подойти к ней. Уже я подошел почти вплотную, по крайней мере, мне так казалось. Я увидел, как Плеве быстро переменял положение, наклонился и принял к стеклу. Мой взгляд встретился с его широко раскрытыми глазами. Медлить было нельзя: наконец-то мы повстречались. Я был убежден в успехе и не знал, что происходит за спиной у меня: может быть, меня уже ловят, может быть, Плеве крикнет или выскочит из кареты на противоположную сторону. Карета почти поравнялась со мной. Я плавно раскатил бомбу и бросил, целясь прямо в стекло...

Что затем произошло, я не видел, не слышал, все исчезло из глаз и сознания. Но уже в следующий момент сознание вернулось. Я лежал на мостовой. Первая мысль — это удивление, что я еще жив. Я восторженно, чтобы подняться, но не чувствовал тела: как будто, кроме мыслей, у меня ничего не осталось.

Мне страстно хотелось узнать о последствиях, кое-как приподнялся на локоть и оглянулся: сквозь туман увидел валяющуюся неподалеку красную генеральскую шинель и еще что-то, но ни кареты, ни лошадей. Блаженство победы, охватившее меня, выразилось в крике: «Долой самодержавие!» По показанием свидетелей, я крикнул: «Да здравствует свобода!»

Но зная, насколько тяжело я ранен, я почувствовал желание не даваться живым, но бессильным врагу. «Буду бредить», — подумалось мне, — лучше харакри, по образу японцев, чем гнусные руки жандармов».

Попытался достать из кармана ту-журки приготовленный для отпора револьвер, но руки мои не повиновались мне.

А между тем, на мой крик подбежал агент-ведомосведист, всегда сопровождавший карету Плеве. Он упал на меня, придавил своим телом... и началась обычная в таких случаях история: Гартман (ведомосведист) первый начал меня бить. На суде он сам очень живописно изобразил, как он меня бил: «Сначала я ударил его по правой щеке, — доказывал он и в то же время жестом показывал процедуру задушения, — а затем ударил по левой щеке».

На крики Гартмана: «Вот он, преступник!» — подбежал какой-то полицейский тип, стал пинать меня и кричать: «Ах ты, сволочь, тут я тебя не убил!» Подбежали еще другие и били меня, кто как хотел: кулаками, пинками, в лицо, голову, бока, ноги, топтали меня... Но я не чувствовал ни боли, ни обиды: мне было все равно. Было одно противно: когда стали плевать в лицо, какая-то красная, остервеневшая от животной зло-

бы рожа склонилась надо мной и звонко, смачно харкнула мне в глаза. Кричали: «Где еще бомба?» Мне казалось излишним, если бы мой револьвер выстрелил при ристрепке и кого-нибудь печально ранил, и я сказал: «Отстаньте, бомбы нет, возьмите из кармана револьвер!»

Свидетели-агенты старались уверить, что я сопротивлялся, не хотел даваться им в руки и отдать револьвер. Их счастье, что это было не так: я был чересчур слаб, чтобы думать о бегстве или сопротивлении...

Види, били меня на мостовой, затем решили унести с улицы: схватили за ноги и поволокли так, что голова стучала о мостовую. Втащили на третий этаж Варшавской гостиницы, в отдельный номер. Пока тащили по лестнице, с молчаливой злобой утасовали меня пинками в спину, ципали. Бросили на голый пол, сорвали всю одежду и опять били со сирекетом дубинным. Долго ли я пролежал там вагой на голом полу, не помню, был в полузабытии... Как сплоск туман видел, что в комнате толпились полицейские, жандармы, судейские... будто бы кто-то оцупал мне голову и сказал: «Будет жить, но бить опасно».

Почти не помню, как и когда свели меня в больницу. Я был весь разбит или избит — трудно судить, вероятно, то и другое. Лишь всплхло, так что, по словам видевших меня в то время, страшно было смотреть: щеки отвисли мешками, глаза вышли из орбит, у подбородка образовался как бы зоб. Руками я почти не владел, они были опалены. Все тело с ног до головы было в бинтах и повязках. Под хлороформом извлекли из меня осколки бомбы и отрезали два пальца на ноге. С ранами потом вышли осложнения: в ране на животе образовалось злокачественное нагноение, вся ступня левой ноги была разбита не то взрывом, не то пинками охранников, началось воспаление сухожилий, влагалниц, мучительные перерывы, бесконечные разрезы. Поговаривали, что я могу не выжить, что

«мажуг», придется отрезать всю левую ступню. Как результат тяжелого падения на мостовую или опыты-танканических опытов в спину — травматический плеурит. И в довершение всего — сильные головные боли, адский шум в ушах.

Я находился в ужаснейшем положении: неведения, беспомощности, в темноте. Физическая боль от ран была сущими пустяками, сравнительно с моральным адом, в который попал меня: угнетала мысль, что я предаюсь и еще могу в бреду наговорить бог знает что. Знал смерти, завидовал счастью, которое было так возможно, ближнему и так обмануло меня, счастьем умереть на деле.

Особенно старались фельдшера узнать мою фамилию. Неделю две и молчал. Но в их руках уже были данные, основанные на моем бреде, о том, что я бежал из Сибири, был на границе и что-то о местах, близких к родине.

Они нащупали почву, приближались к цели.

Потом мне объявили, что я опознан.

Первые два с половиной месяца я лежал пластом, недвижимый, беспомощный, как ребенок. Только в конце третьего месяца начал присаживаться на четвертом уже встал на ноги.

На суд вышел еще совсем слабым, с тяжелой головой, не владея мыслями: это сказалось на процессе. Мне было не до суда.

Однако на суде Е. С. Сазонов мужественно заявил:

— Да, мы подняли меч, но мы поднимали его не первыми и пошли на это после мучительных сомнений и душевной борьбы. Да, и виновен перед Богом. Но я спокойно жду Его приговора, ибо знаю, Его суд — это не наш суд. Как мог и поступить иначе, если Учитель сказал: «Возлюбил и следуй за Мной». Не в моих силах было отказаться нести свой крест.

Е. С. Сазонов был приговорен Петербургской судебной палатой к ссылке в каторжные работы без срока. 28

декабря 1904 года приговор вошел в силу. Но по манифесту, изданному в связи с рождением наследника престола, бессрочная каторга для Сазонова могла быть заменена срочной каторгой на 14 лет «по распоряжению надлежащей административной власти».

Для отбывания наказания Е. С. Сазонов был отправлен в Шлиссельбургскую тюрьму, в которой он пробыл с 24 января 1905 года по 30 января 1906 года. Узниками этой тюрьмы в разные годы были известные народовольцы: Николай Мухоморов, Николай Морозов, Герман Лопатин, Вера Фигнер, Александр Ульянов. В Музее революции хранится грифельная доска, на которой 8 человек, освобожденных из Шлиссельбургской крепости 28 октября 1905 года, оставили свои автографы. Грифельная доска была передана ими на память оставшемуся в крепости Егору Сазонову и чудом уцелела.

30 января 1906 года.

Дорогие мои, пишу вам скоро. Сегодня меня увозят, как сказали, в Москву. Что ждет дальше, абсолютно не знаю. Надеюсь, департамент полиции не сочтет возможным долго держать вас в томительной неизвестности и своевременно даст вам разъяснения относительно моей особы. А пока умоляю вас, не волнуйтесь преждевременно. Не беспокойтесь, не предавайтесь излишней тревоге за меня, что бы со мной не случилось. Я уже писал вам в первом письме, что я заранее готов ко всякого рода переменам в моей судьбе и встрече их во всеоружии бодрости и хладнокровия. Так и случилось. Я не знаю, что со мной сделают, но чего-нибудь, пренебрегающего силой моего терпения, во всяком случае не жду. Уверю вас, я не настолько слаб и изнежен, хотя наша любовь и нежная заботливость порядочно избаловали меня, чтоб придать большое значение тем маленьким неудобствам, которые еще могут встретиться на моем пути. У меня достаточный запас, по крайней мере, на несколько лет здоровья,

бодрости и энергии, вы можете быть уверены, что я еще доживу до лучших дней. А вы доживете ли?

Май (Бутырская тюрьма), матери.

У меня нет страданий, и не могу страдать и мучиться, что бы мне ни выпало на долю, и все, все, даже смерть с радостью приму за то святое дело, которому я на веки вечные отдался. Я в него верю, как в спасение своей души: если бы мне самому не пришлось дожить до того момента, когда мое дело окончательно победит, и не покалечу об этом: если мы умрем, дело, которое мы любим больше всего на свете, будет жить.

Не оплакивай же меня, потому что я счастлив, так счастлив, как только может быть человек.

22 июня.

Наше положение пока не выяснилось. Администрация поговаривает, что некоторых из нас скоро выпустят в вольную команду, ждут указаний и распоряжений из главного управления каторги, которое отсюда находится верстах в тридцати (в Горном Зерентуе). Вольная команда — это жизнь около тюрьмы, но не в тюремных стенах; здесь тоже пахнет волей.

Нас здесь ждали и приняли с простертыми объятиями.

17 сентября.

Дорогая, в своих печалих никогда не забывай, что ты болееешь одною большою вместе с миллионами русских матерей. Не забывай же чужих печалей и не предавайся слишком своей.

Я рад каждой твоей строчке. Эта радость могла бы омрачиться только в одном случае: если бы ты вздумала хулить мою святую. Но я знаю, насколько ты далека от этого. Поэтому пиши, не стесняйся, все, что тебе бог на душу пошлет. Я рад, что вы все пока живы, здоровы. Мы здесь тоже здоровы, живем по-старому.

Дорогие, простите, может быть, я затруднил вас. Просьба у вас денег, а прежних письмах, ведь я предупреждал, что сам я ни в чем не нуждаюсь, а наш «монастырь» нуждается:

поэтому-то я и писал, чтобы вы прислали денег, но не из своих средств — личных средств на ты не хватило бы, и я не решился бы обратиться с такой просьбой — я просил о деньгах, которые могли бы собраться среди людей, признающих свою обязанностью помогать тем, кто борется. А денег мне не надо, не присылайте.

1907 год, февраль.

Сегодня я отправляюсь с 15 товарищами в другие товарищи в Алтаинскую тюрьму, за 40 верст отсюда.

Ты из газет или других источников узнаешь, что эта высылка является наказанием. Узнаешь ты и мое «преступление». Мне нужно объяснить тебе, почему или правильно возводимое на меня обвинение. Ты меня знаешь и понимаешь, что если бы я захотел что-нибудь сделать, что мне казалось бы нужным по своим взглядам, я сделал бы это, не афишируя ни на какие угрозы.

Горный Зерентуй, 9 сентября.

Снова можете поздравить меня с новоселством. Тюрьма большая, каменная, на манер российских. Около сотни товарищей, в одной камере со мной до 40. Силу на втором этаже и имею удовольствие видеть не стены, а кусочки воды: сошки, дереню, движение людского муравейника. В камере чистота, о которой заботятся сами товарищи, и, несмотря на многолюдие, сравнительная тишина; публика усердно занимается, читает, учится. Значит и я могу погрузиться в науку, за которой забываешь о замках и решетках. Моя просьба: не может ли кто-нибудь из родных, имеющих безбедристические произведения русских писателей (Тургенев, Достоевский, Толстой, Горький, Л. Андреев и др.) поделиться с нами своими богатствами? За присылку каждой такой книги буду очень и очень благодарен. Иностранцам писателям: Гюго, Диккенсу, Золя и др. буду тоже очень рад. Книжный вопрос для нас очень важный вопрос, особенно, когда так плохо с пищевым вопросом: хорошая умственная пища помогает забыть

вать о недостатках физического питания.

1910 год, 31 октября.

Маленький мой брат, дорогой Люба. Удивительное душевное состояние и теперь переживаю: не то я стою одной ногой за воротами тюрьмы, не то еще дальше от воли, чем когда-либо. Не надеяться нельзя, когда остается уж меньше трех месяцев и когда твои бумаги уже ушли в Читинское областное управление для назначения волюты.

Там писал Е. С. Сазонов своему брату. Но судьба уготовила ему иное.

Описание последних дней жизни Сазонова из газеты «Революционная Россия» (№ 33, январь 1911 года):

«Медленными но верными шагами приближалась катастрофа. Ее неизбежность чувствовалась, висела в воздухе. И чем ближе становился день выхода Сазонова с каторги, тем яснее становилось, что двери тюрьмы откроются только для его трупца.

Первою мерою в этом направлении была замена сравнительно «смирной» роты, несшей до тех пор обязанности по внешней охране тюрьмы, — другой ротой, отборно черносотенной. Этой ротой, вплоть до самого ее прихода, не раз «пугали» заключенных тюремные власти. И действительно, она ознаменовала свое прибытие установлением нового режима — режима сплошного террора. То и дело, особенно ночью, тот или иной часовой стрелял в окно камеры — и все другие поддерживали его выстрел целой канонадой, выпуская иногда до полусотни пуль. Стреляли, заметив у окна заключенного, стреляли, когда тень его, отражаемая лампочкой, падала на окно, стреляли, когда часовому какой-либо шум или передвижение в камере казались подозрительными. Первые дни стреляли по разным случайным поводам, большей частью угождениям. Затем, по-видимому, лучше сориентировались в обстановке, все последние обстрелы правильно и систематически имеют своей целью окна «политических».

Вскоре, без всякого повода, подверглось правильной канонаде окно камеры Егора Сазонова. Стрельба была так настойчива, что после нее камера потребовала особого ремонта. Но Сазонов и здесь уцелел, хотя был на волосок от смерти.

Насколько смерть Сазонова подготавливалась, насколько все действия властей обнаруживали совершенно недвусмысленно их намерения, насколько цинично готовилось, там, в Горном Зерентуе, почти не замаскированное предумышленное убийство — можно судить хотя бы по таким кратким отрывкам из писем, полученных от брата Егора Сазонова Изота одним из наших товарищей.

От 6 ноября 1910 г., в страшной ярости открытые, отправленной из Камышинки, Изот Сазонов писал:

«Привет от Авеля. Вероятно, он, по «независящим обстоятельствам» скоро уйдет ко Льву Толстому».

От 26 ноября, отсюда же он писал еще раз:

«В Горно-Зерентуйскую тюрьму приехал новый начальник тюрьмы Высоцкий — второй Бороудин. Ждут конца. Да минет чаша сия...»

Чаша не минула Егора Сазонова. Через два дня после того, как брат его написал эти простые, и в простоте своей такие ужасные слова «ждут конца», депоничные телеграммы официального агентства известили о нескольких попытках каторжан покончить жизнь самоубийством и о смерти Егора Сазонова. «Идушим до конца», «отмеченным перстом судьбы» был он всю свою жизнь. Таким он был и в смерти.

Через некоторое время пришли и первые более подробные известия о катастрофе. «Второй Бороудин» демонстративно ознаменовал свое прибытие и «новую эру» розгами, применением к нескольким, наудачу выхваченным «политикам». Настало время привести в исполнение старое решение, принятое каторжанами, ответить на это массовыми самоубийствами.

И эта ужасная перспектива заставила сердце Сазонова содрогнуться. Всем сердцем страдая при мысли о том, что товарищи примут это фатальное решение; услышав, что двое заключенных, не дожидаясь общего соглашения, уже сделали попытку лишить себя жизни, и ошибочно считая их умершими — Сазонов снова твердо руною вынул заветную добула — на этот раз тщательно проверенную — и выпил его.

Он оставил после себя короткое письмо, к которому ничего прибавить.

«Товарищи! Сегодня ночью я по-робую покончить с собой. Если чья смерть и может приостановить дальнейшие жертвы, то прежде всего моя. А потому и должен умереть. Чувствую это всем сердцем; так больно, что я не успею предупредить смерть двух умерших сегодня. Прошу и умоляю товарищей не подражать мне,

не искуать слишком быстрой смерти! Если бы не маленькая надежда, что моя смерть может уменьшить цену, требуемую Молохом, то я непременно остался бы ждать и бороться с вами, товарищи! Но ожидать лишний день — это значит, может быть, увидеть новые жертвы. Сердечный привет, друзья, и спокойной ночи!»

Егор.»

Интересно, что Евно Азиф, убежав ночью из Нарика от мести эсеров, прихватил с собой и письма Егора Сазонова, ему адресованные. Конечно, здесь мог быть у него какой-то очередной расчет. Но кто знает, может быть, светлая и героическая личность Егора Сазонова все же чем-то тронула безжалостное сердце предателя. Кто знает...

В. КАРПОВ.

Владимир Борисович Карпов — уржумский краевед, журналист.

❁ Реки и озера района

Б у й

Река Буй — правый приток реки Вятки и приток 3-го порядка реки Волги (Вятка-Кама-Волга). О длине реки Буй имеются разные данные. По одним источникам — 140 километров, по другим — 127, а по третьим — 92 километра. Это, очевидно, связано с тем, по каким картам и планам измерялась длина реки. На крупномасштабных картах она 140 километров, а чем меньше масштаб карты, тем меньше учитывается извилистость реки. Например, на участке от села Архангельского до поселка Андреевского по прямой — 5 километров, а длина реки Буй со всеми изгибами больше 10 километров.

Буй собирает воды с площади 890,5 квадратных километров, а по другим источникам площадь стока несколько меньше — 806 квадратных километров.

Исток реки Буй находится на территории Марийской республики и представляет собой небольшое болотце в середине поля. Общее направление течения реки север-северо-восток. На территории Андреевского сельского Совета с юга на север. Река Буй выработала себе долину, а в некоторых местах имеет заметные 2—3 террасы. Это свидетельствует о том, что наш Буй довольно древняя река. Русло в большинстве своем (на участке обследованном мною — от села Архангельского до деревни Марчатта) имеет глинистые берега, а на дне в некоторых местах выступают известковые породы. В этих местах река

образует перекаты. На перекатах этих строили раньше мельницы, о них речь пойдет позднее.

Между перекатами дно реки илистое. В русле реки встречаются маленькие песчаные пляжи, а вот в некоторых местах по террасам песчаные косы гораздо больше.

В русле и берегах встречаются часто остатки деревьев, это говорит о том, что в прошлом по берегам Буй рос буйный лес, а в некоторых местах — остатки бревен. Это остатки бревен, сплавляемых в свое время по реке на Андреевский спиртовой завод.

На участке у села Архангельского на правом берегу имеется остаток старого русла — старица.

Вода в реке имеет разную температуру, на плесах прогревается быстрее у поверхности, а у дна и в ямах (глубина их достигает 5 метров) — медленнее. В русле реки нередко встречается выход ключей. Такие места опасны для купающихся, потому в такое место человек может получить паралич сердечной мышцы, такие случаи были.

Одним из источников питания реки Буй является снег, его весеннее таяние. Паводок в апреле. Приток снежной воды в общий годовой сток занимает больше половины. Второй источник питания — это дождевые воды. На третьем месте — подземные воды. И совсем незначительное питание — озерных (от стариц). Уровень воды в реке Буй очень резко меняется, максимум — апрель, минимум — лето (отсутствии дождей).

Леса на площади питания реки в большом количестве вырублены.

В зимнее время основным источником питания реки являются подземные воды, ключи, выходы которых имеются по обоим берегам Буй. Уровень воды в период весеннего половодья поднимается на 5—7 метров, но это зависит от характера весны.

Небольшие паводки бывают летом от ливневых дождей.

В реке водятся многие виды рыб, некоторые из них благодаря содействию человека появились здесь недавно. Пример — карпы, которые были разведены в пруду у села Буйского. Во время прорыва плотины они пошли по Бую, задержались и обилие в ямах. Водятся в Бую немало голавлей, им здесь раздолье. Берега рек поросли деревьями, кустарниками, голавли питаются гадающими в воду насекомыми. У дна реки водятся лян. Имеются плотва, окунь, баянчик и щука, запылают для нереста с Вити. В незначительном количестве попадаются и лещи (небольших размеров), налимы, ерши и пескари. Есть еще и уклейка, но ее в настоящее время очень мало, из-за отсутствия мелководья — так считают старожилы.

В прошлые годы на реке Буй и его притоках были мельницы для размол зерна. Они играли очень важную роль. Во-первых, держали уровень воды, который был значительно выше, чем сейчас. Обильнее был урожай трав на лугах без использования минеральных удобрений.

Но рассказам старожилов, раньше в реке было значительно больше рыбы. Мельничная пыль, попавшая в воду, служила кормом маленьким рыбам, да и другим обитателям рек.

На реке Буй было много мельниц. От устья к истоку — первой была Шумская, около деревни Чамское Петровского сельского Совета — Чамская, Пеньбинская — около деревни Пеньба Андреевского сельского Совета. У деревни Зоткино в реку Буй впадает левый приток — речка Петрушинка, так на ней было две мельницы — Зоткинская, около Устья и Петрушинская у деревни Петрушино. Далее выше по течению — Заводская, на территории Андреевского спиртзавода, принадлежавшая владельцу завода Садонь. На этой мельнице производился размол зерна для нужд завода и хозяйских животных ферм, а также размол зерна рабочим завода.

Была мельница и у деревни Самоделки, у деревни Сандаково, где сейчас перекат называемый Сандаловским. Была мельница и у села Архангельского. Выше села Архангельского — левый приток реки Мазарка, на ней была Мазарская мельница около некогда существовавшего деревень Бутырки и Проспирта. У села Буйского на Бую была плотина и пруд для нужд Буйского завода. И сейчас здесь единственный в нашем районе пруд на реке Буй.

По реке Буй в настоящее время расселяются бобры. Они роют себе норы в обрывистых и заросших деревьями берегах. Вход в нору под водой, а само жилище на 2—3 метра выше от уровня воды.

По берегам реки в лесах лютуют и ондатры — объект охоты охотников и браконьеров.

В период весеннего и осеннего перелета встречаются на Бую и дикие утки. Приходилось мне встречать и одно семейство нырков, но это уже большая редкость.

В. СТАРОДУБЦЕВ.

Василий Александрович Стародубцев — краевед из поселка Андреевский. Пенсикер, бывший учитель, он собрал обширный материал по истории села, по изучению флоры и фауны окрестных мест.

* Деревни которых нет

Остались лишь в памяти

Снова и снова возвращаемся мы к бывшим деревням, что существовали некогда на территории нашего района. Источником сведений о бывших населенных пунктах снова послужили издатель «Материалы по статистике Вятской губернии», изданные в 1887 году в Вятке.

Пусть ограничены по времени эти сведения. Описание населенных пунктов даны лишь по состоянию на 1885 год. Тем не менее и эти крупицы истории напомнят былые.

Ерши

Починок с таким названием был населен русскими жителями. Было в 1885 году в нем 29 дворов, в которых проживали 70 мужчин и 72 женщины. Под усадьбой в починке было занято 11,3 десятины земли, под пашней 193,5 десятины, под сенокосами 16,2, под выгонами 57 десятины. Остальная земля (12,5 десятины) под неудобьями. На двор здесь приходилось по 10 десятин. Жители починки держали в своих хозяйствах 30 рабочих лошадей и 35 дойных коров, мелкого скота было 131 голова (овцы, козы и свиньи).

Входил этот населенный пункт в состав Кокшинского района Кокшинской волости.

Бутырки

Самое первое упоминание деревни, пока известное нам, в «Переписной книге 1747 года города Урюма и его уезда». Деревня Бутырки входила тогда в состав Чамской волости, насчитывалось в деревне 59 душ мужского пола.

В 1885 году по «Материалам по статистике Вятской губернии» Бутырки входили в состав Буйско-Архангельского района Мазарской волости. Насчитывала тогда деревня 68 дворов государственных крестьян. Население деревни — русские. На каждый двор приходилось 18,1 десятины земли. 91 рабочую лошадь и 93 дойных коровы держали в Бутырках. А мелкого скота: коз, свиней и овец — было здесь 356 голов.

Холкин

Починок Холкин также входил в состав Кокшиского района Кокшиской волости. При этом починков с таким названием было два.

Первый именовался починок Холкин. Было в нем 16 дворов, население — русские. В 16 дворах починка жили 117 человек, 59 из них мужчин. В среднем на двор приходилось здесь по 13,1 десятины земли. Жители держали 26 рабочих лошадей, 32 дойных коровы. Мелкого скота в починке было 91 голова.

Второй починок именовался Холкин (Хутей) — здесь было всего 7 дворов, все население — русские. Протянулось здесь 40 человек. На двор приходилось в среднем по 18,8 десятины земли. 11 рабочих лошадей и 11 дойных коров держали в починке. Мелкого скота было здесь 36 голов.

Метели

Починок Метелевский (впоследствии — Метели) входил в состав Байкинского района Мазарской волости. Население починка — русские. В 18 дворах проживали 113 человек. На каждый двор в Метелях приходилось по 20,7 десятины земли. Держали жители 31 рабочую лошадь и 43 дойных коровы. Мелкого скота было здесь 167 голов.

Шорино

Первое упоминание о починке Нестеров (так именовалось Шорино раньше) датируется 1747 годом. («Переписная книга...»). Тогда население здесь составляли несколько десятков человек. Точное количество жителей не указано. Сообщено лишь, что было в то время в починке 11 душ мужского пола.

«Вятская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859—1873 года». Этот труд уже подробнее дает сведения о починке. «Починок казенный Нестеров (Шорино)

при речке Вятке. 10 дворов. Жителей — 112 мужского пола, 127 — женского».

В «Материалах по статистике Вятской губернии», по сведениям 1865 года, в починке Нестеров уже значатся 40 дворов. Население русское. В починке проживали 314 человек. В среднем на двор приходилось 12,3 десятины земли. Жители держали 57 рабочих лошадей, 77 дойных коров, мелкого скота — 338 голов.

Варино

В «Переписной книге 1747 года города Уржума и его уезда» починок Никифоровский именуется «новое поселением». Стало быть датой основания этого населенного пункта является 1747 год (первое упоминание). Починок Никифоровский насчитывал тогда 13 душ мужского пола государственных асаинных крестьян.

По сведениям 1859—1873 годов, в «Списке населенных мест» (Вятская губерния) сведения о починке пошлор: «Починок казенный Никифоров (Варино) при речке Вятке. 23 двора. 86 душ мужского пола, 103 — женского».

«Материалы по статистике Вятской губернии», издаваемые в Вятке в 1887 году, дают подробную справку о починке Никифорове. Здесь к этому времени уже 45 дворов. Население русское. Число жителей — 251 человек, 120 из них мужского пола. В среднем на двор в починке приходилось 10,5 десятины земли. Жители починка держали 41 рабочую лошадь и 58 дойных коров. Овец, свиней и коз было 295 голов.

Просвирята

Починок Кротный Ключ (Просвирята) входил в состав Покровско-Мазарского района Мазарской волости. Было здесь 19 дворов, население — русские. В среднем на двор приходилось 11,7 десятины земли.

Жители починка держали 30 рабочих лошадей и 19 дойных коров. Мелкого скота было здесь 82 головы.

✱ Люди земли уржумской

Садовод М. Н. Русских

Почти 40 лет своей жизни проработал в Уржуме садовод-любитель, селекционер-опытник и просто энтузиаст своего дела Михаил Никандрович Русских. Именно проработал, а не просто прожил, потому что труд был смыслом его жизни, его насущной потребностью, как вода и воздух.

Михаил Никандрович Русских родился в 1895 году в крестьянской семье в деревне Меркуши Мари-Беляморской волости Уржумского уезда Вятской губернии. В 1905 году окончил церковно-приходскую школу, до 1917 года жил в деревне. Нелегкий крестьянский труд с детства был ему зна-

ком. В 18 лет пешком, обутий в лапти, пришел в Казань и до 1916 года работал в торговых лавках у купцов Казани. Казань очень любил, прожитые там годы вспоминал тепло и всю жизнь старался лишний раз побывать в этом городе. В 1916 году был мобилизован в армию, служил в Казани, затем — на юго-западном фронте в качестве рядового до конца первой мировой войны. В 1920-21 гг. учился в подготовительной группе при Вятском педагогическом институте, агро-биологическое отделение которого окончил в 1925 году. С этого года началась преподавательская работа М. Н. Русских сначала в Унинской школе.

затем (до 1930 года) в Шурминской школе крестьянской молодежи он преподавал естествознание и географию.

Все свободное от занятий в школе время Михаил Никандрович посвящал выращиванию плодово-ягодных и овощных культур. При школе создал передовое учебное табулино-парничное хозяйство.

С 1930 года М. Н. Русских работает в Уржумском педагогическом техникуме, где также организует учебное парничное хозяйство, успешно выращивая овощи и получая высокие урожаи.

С 1938 года до выхода на пенсию в 1958 году М. Н. Русских работает в Уржумской фельдшерской школе, преподавая химию и биологию.

В 1937 году он купил в Уржуме дом и создал усадьбу, где и продолжил работу по выращиванию плодово-ягодных и овощных культур, отдавая ей максимум времени и энергии.

С 1975 года более 25 лет вел Михаил Никандрович исследовательскую опытно-исследовательскую работу по освоению культуры томатов. Проанализировав свойства самых различных сортов томатов в условиях не слишком благоприятного для них климата Кировской области (в 1952 году, как пишет «Кировская искра» от 21.08.52, «на его усадьбе произрастало 45 сортов томатов») Михаил Никандрович отобрал наиболее урожайные и не требовательные к уходу сорта. Было проверено около 200 сортов — работа проделана огромная. Каждый сорт требовал наблюдения, записей учета урожая и т. д. Селекционные научные учреждения, с которыми М. Н. Русских вел обширную переписку (Грибовская овощная селекционная станция, Всесоюзный институт растениеводства, Плодово-овощной институт им. Мичурина) охотно помогали ему, снабжая селекционными новинками, так как ежегодно получали из Уржума подробные отчеты о проверке сортов.

В итоге были отобраны лучшие для разведения в местном климате сорта: «Грунтовый Грибовский», «Штамбо-

вый Алпатьева» и ряд Пушкинских сортов.

На своей усадьбе М. Н. Русских получал в пересчете на гектар более 500 центнеров.

В колхозах «Прожекторы» и «Аврора» эти сорта также дали прекрасный урожай и через школы и население были быстро внедрены в практику, полностью вытеснив все старые сорта с продолжительным вегетационным периодом.

Обобщив опыт, накопленный при работе с томатами, Михаил Никандрович сделал некоторые теоретические выводы, которые легли в основу разработанной им методики культивирования южных культур в условиях севера. Главнейший принцип этой методики: «задерживать рост — ускорить развитие».

Результаты своей работы и суть этой методики он изложил в брошюре и сдал ее в Кировское издательство и печати. Рукопись просматривал заведующий лабораторией Пушкинской базы Всесоюзного института растениеводства В. Красочкин, дал высокую оценку и энтузиазму М. Русских при внедрении ценной культуры томатов в Кировской области, и самой брошюре, считая ее очень полезной для популяризации томатов.

Но работу опубликовать все же не удалось. И хотя разработанная Михаилом Никандровичем агротехника по выращиванию томатов с успехом применялась в колхозах Уржумского района, но брошюра «Как выращивать скороспелые и холодостойкие сорта томатов в Кировской области», так и не вышла в свет, ограничившись лишь распространением его опыта.

Для М. Н. Русских было очень важно, чтобы все ценные сведения и наблюдения, полученные в результате многолетнего труда, весь накопленный опыт не оставались только его личным достоянием. Он публиковал в местной и областной газете всевозможные советы и сведения о выращивании томатов и даже об их заготовке в домашних условиях. Он ежегодно оказывал практическую помощь колхозам района и подсобным хозяйствам в

развитии садоводства. Постоянно читал лекции для колхозников и городского населения. С целью пополнения своих знаний и передачи опыта он поддерживал постоянные связи с ведущими специалистами страны и любителями растениеводства области (М. Лисовским, П. Яковлевым, А. Борисоглазовым, И. Мочаловым, В. Мосоловым, Ю. Матковским, А. Рудницким, И. Толмачевым и др.).

Много внимания уделял М. Н. Русских выращиванию яблоны, малины, крыжовника. Выписывая посадочный материал из разных мест нашей страны, он выселил в сад более 50 сортов яблоны, выращивая яблоны из семян, вырастил сеянец с прекрасными свойствами, ценность которого признавали и Кировские садоводы, и директор Уржумского плодопитомника.

При содействии селекционных учреждений Мичурина, Алтая и других городов за несколько лет в усадьбе было высежено более 60 сортов кустарников. Михаил Никандрович сделал вывод, что наиболее перспективным кустарником в местном климате является черная смородина, с лучшим сортом для Кировской области он считал «Память Мичурина».

Начиная с 50 годов, Михаил Никандрович все внимание сосредоточил на размножении и распространении «Памяти Мичурина». Только в колхоз «Красный Октябрь» Кумянского района, с председателем которого его связывала взаимная симпатия и дружба, в течение трех лет было отправлено 3750 кустиков и 1000 черенков смородины. Увеличившийся распространением этого сорта, П. А. Прохоров мечтал देвести площадь сада под смородиной до 30 гектаров.

На посадочный материал этого сорта создавался огромный спрос, а поскольку сорт впервые пошел в практику из усадьбы Русских, садоводы в весеннее и осеннее время буквально осаждали его, желая получить хотя бы по 2-3 кустика. Приезжали из Кирова и других городов, посылали письма с просьбами о помощи, звали и т. д. Удовлетворить такой спрос было почти невозможно. Михаил Никандрович

делал все, что было в его силах, посылал кустики в разные города от Иркутска до Тбилиси, но он пытался привлечь и местные организации, например, несколько раз отпуская черенки питомнику и неоднократно (и безрезультатно) обращался в райисполком с просьбой вынести решение, которое способствовало бы распространению этого сорта.

Имея переписку и тесные связи с НИИ садоводства в г. Мичуринске, М. Н. Русских направлял туда подробные сведения о саде и о проводимой им работе. По предложению селекционера И. А. Толмачева, он стал разнородить смородину сорта «Память Мичурина» семенами, вырастив 5000 сеянцев. Один куст из 5000 сразу привлек его внимание: он первым начинал зеленеть весной и почку у него были розоватого цвета, а не зеленые, как у всех других. Почти все выращенные кусты он отдал колхозу деревни Буйский Перевоз и Андреевскому спиртзаводу, а около 200 сеянцев оставил на усадьбе и стал особо наблюдать за необычным кустом. Почти десятилетние наблюдения показали, что по некоторым качествам сеянец превосходит «Память Мичурина» — ягоды его очень крупные (если обычный куст давал примерно 3 кг ягод, с сеянца снималось до 7,2 кг.), очень долго не осыпались, держались даже когда листья осенью желтели и опадали. Михаил Никандрович размножил его. В 1951 году в саду росло полтора десятка таких кустов. Он хотел, чтобы сорт получил наименование и был распространен по садоводствам. В 1965-67 гг. кустики сеянца, именуемые «сеянец Русских», были отправлены на Малмыжский госсортоучасток, в Горьковскую государственную сельскохозяйственную опытную станцию, Иркутскую областную сельскохозяйственную станцию, в научно-исследовательский зональный институт садоводства нечерноземной полосы. Повсюду сеянец высаживал на участках сортоиспытания. Последнее упоминание в документах М. Н. Русских о своем сорте от 1971 года. Из Горького и Мичуринска сообщали, что сеянец хорошо развит, ягоды ранние

примочка хороши и т. д. Предполагалось проводить наблюдения еще не менее пяти лет.

Михаил Никандрович был активным сторонником и участником закладки сада в колхозах, при заводах и различных организациях, убеждал руководство этих организаций в целесообразности подсобных хозяйств и принимал горячее участие в их создании. Убедить удавалось во многом потому, что он имел возможность демонстрировать собственные достижения на усадьбе. Он был инициатором и непосредственным участником закладки в 1951 году самого большого по площади сада (10 га) при уржумском пищекомбинате у Белой речки (директором был Михаил Д. М.). Сад был заложен за одну осень и в последующие годы при директоре Кальсине И. М. еще расширялся. В этом же году был заложен сад в 2 га при уржумском ликеро-водочном заводе (директор Григорьев К. П.). Затем М. Н. Русских из выращенного посадочного материала заложил сад при детдоме им. Пирогова (директор Бусыгина А. И.). На площади около 1 га удалось заложить сад при уржумском ресторане совместно с директором Беззвонным Н. Т.

Несколько лет вел Михаил Никандрович подготовительную работу, чтобы организовать в Уржуме плодово-ягодный питомник, выступал по этому вопросу на выездной сессии Академии сельскохозяйственных наук в Кирове в 1947 г., после чего вице-президент ВАСХНИЛ академик Мосолов В. П. проводил сессию, посетил усадьбу уржумского садовода и пообещал помочь в организации питомника. И действительно, смета питомника была утверждена быстро.

В 1954 году М. Н. Русских был утвержден уржумским райисполкомом участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Выставочным комитетом в Москве наградили его серебряной и бронзовой медалями и выдали свидетельства.

Площадь усадьбы М. Н. Русских вместе с застройкой составляла 36 соток, всю жизнь он проработал там один. Вставал в 4-5 часов утра и рабо-

тал весь день дотемна, делая перерывы для короткого дневного сна. Работал неспешно, вкладывая всю душу. В большом саду царил гармония и порядок: нигде ни сорняка, земля взрыхленная, кусты и деревья ухожены. Поливать сад было очень трудно: ни водопровода в доме, ни колонки поблизости не было. Приходилось собирать буквально каждую каплю дождевой воды. Вдоль крыши дома и всех хозяйственных построек были протянуты водосточные желоба и поставлены емкости. А за питьевой водой приходилось спускаться под гору, к реке Шинерке, где был колодец, и поднимаясь, преодолевать более 100 крутых ступенек. Неоднократно обращался Михаил Никандрович к местным властям с просьбой о строительстве ветки водопровода для квартала по ул. Елкина, расположенного у горы, но безрезультатно. Да еще и завистливые обыватели писали возмущенные письма, что Русских занимает своим садом слишком большую территорию, получает слишком большие доходы и т. д. А ведь никто из писавших не умел и не хотел работать так, как умел он.

В 1947 году райисполком вынес решение признать усадьбу опытно-показательной и использовать для наглядной агитации практических достижений. В те времена, когда не было пришкольных участков и они только начинали создаваться, очень часто в сад к Михаилу Никандровичу приходили целые экскурсии учащихся во главе с учителями-биологами.

А в 1950 году райисполкомом было вынесено решение отобрать половину усадьбы под застройку. Михаил Никандрович настаивал на проверке его работы, на осмотре усадьбы комиссиями. По результатам проверки решение о застройке было отодвинуто. Велика была общественная польза, приносимая трудолюбивым садоводом. К тому же помог академик А. Н. Рудницкий, направивший письмо в уржумский горсовет.

Увы, завистники не оставляли его в покое. Жалобы (а сущности, жалобы, а можно было лишь на его трудолюбие) продолжали поступать. В очеред-

ной раз встал вопрос о ликвидации части усадьбы под застройку. Возраст Михаила Никандровича уже приближался к 70-ти годам, работать в одиночку на территории 25 соток, не имея воды для полива, ему было трудно. Но и согласиться с уничтожением сада он не мог. Вот что он пишет в сельскохозхозяйственную инспекцию райисполкома в декабре 1961 года: «Усадьба по богатству селекционного материала, особенно кустарниковых пород, является единственной усадьбой в области. За плечами большой практический опыт, связан с садоводами и непреодолимое желание продолжать работу. Если райисполком найдет нужным, я третий раз обсудить вопрос о моей работе в занимаемой усадьбе, то я надеюсь, что будет найдено более разумное решение по использованию моих зеленых питомцев, моего опыта и моего посильного участия в любимом деле».

Разрушение усадьбы на этот раз удалось предотвратить только благодаря заступничеству депутата Верховного Совета РСФСР П. А. Прохорова: он написал обязательное письмо председателю Кировского облисполкома Объедкову, в котором просил оградить сад-питомник Русских от всяких посягательств. В то время усадьбу не ликвидировали, но и применения опыту садовода не нашли.

В 1968 году Михаил Никандрович продал дом и, получив кооперативную квартиру, переехал в Вятские Поляны, где и жил до конца дней своих. Ему было уже 72 года, но он продолжил работу на участке размером в 3 сотки помогал колхозам, средним школам и частным лицам выращивать и распространять черную смородину.

Городские власти Уржума никогда не испытывали к М. Н. Русских большой симпатии: уж очень он выделялся из общего ряда, слишком хорошо умел трудиться и болезненно реагировал на бесхозяйственность и безалаберность, столь свойственные советской системе ведения хозяйства.

Сразу после отъезда М. Н. Русских его усадьбу уничтожили. Городские

начальство построило там для себя дома.

Вот что сказано о его усадьбе в сборнике «Сады России (М., «Советская Россия», 1969, ст. 162). «Исключительно ценной маточной базой для развития северного плодового хозяйства является приусадебный сад опытного, минчуринца, учителя-пенсионера Михаила Никандровича Русских в городе Уржуме. Он поставил перед собой задачу: собрать в своем саду и изучить все местные сорта плодовых и ягодных культур, сохранить затерявшиеся ценные сорта, выведенные местными опытниками-садоводами, и распространить лучшие из них среди населения. В саду М. Н. Русских растут 44 сорта яблони, десятки сортов черной, белой, красной смородины и крыжовника...

По инициативе Русских в Уржуме в 1949 году был создан государственный плодовой питомник. В нем выращивали саженцы плодовых и ягодных культур с помощью маточно-черенковой базы приусадебного сада Русских. В обширной коллекции ягодников Русских выделяется очень ценный по урожайности, зимостойкости и качеству местный сорт крыжовника и два сорта крупноплодной черной смородины с хорошим вкусом ягод и т. д. и т. п.

Михаил Никандрович имел веселый, общительный характер, отличался большой энергией, независимостью суждений, разносторонностью интересов. Интересовался политикой, историей, собрал огромную библиотеку художественной и научной литературы (более 4000 томов). За какое бы дело он ни брался, ему все удавалось: будь то фотография или столярные работы, приготовление замечательного вина (его он давал из всех сортов ягод, имевшихся в саду, любил всех угощать, но почти не пробовал сам) или починка мотоцикла.

За годы работы преподавателем приобрел множество друзей среди своих учеников, переписка и дружба со многими из них продолжалась всю жизнь. «За что вы любите Михаила Никандровича?» — спрашивали мы у его бывших учеников. «За доброту, юмор, справедливость. И за трудолю-

блеск — отвечали они. Даже нешаблон. нах записи в его трудовой книжке подтверждает это: «За успехи в работе к ЛЮБОВНОМУ отношению к воспитанию подрастающего поколения вынести благодарность». Действительно, Михаил Никандрович любил своих учеников. Очень любил он детей (не умел вести себя с ними строго), был восторженным отцом, а позже — заботливым дедом.

И трудился, трудился... Однажды, когда Михаил Никандрович уже искал покупателя на свою усадьбу, один из них, осмотрев хозяйство, пробурчал: «Ну, вы тут как помещик...» Михаил Никандрович расстроился, долго вздыхал и качал головой, повторяя: «Помещик, помещик, на помещика столько крестьян работало, а я-то ведь один...»

Последний раз Михаил Никандрович побывал в Уржуме на праздновании 50-летия медицинского училища, где преподавал 20 лет. К нему очень тепло

отнеслись, выбрали в президиум, угощали, вспоминали, как весело шутил он в давние годы, как помогал своим ученикам...

Умер он в январе 1984 года. Хотелось бы, чтобы Уржум помнил о нем.

Почти все документы после смерти М. Н. Русских были сданы в государственный архив Кировской области (фонд Р-129, архивная опись №1). Статья написана на основании домашнего архива и гос. архива Кировской области.

Г. СЕМЕНОВА,
М. КОВАЛЕВА.

Галина Михайловна Семенова — дочь, Марина Юрьевна Ковалева — внучка известного уржумского плодощевода Михаила Никандровича Русских. Оба они любезно предоставили материал для этой публикации, за что издатель премного благодарен.

✱ Копилка краеведа

Попали в анекдот

«Уроки литературного краеведения в пятом классе (Из опыта работы)» — так названы методические рекомендации, отпечатанные в Слободской районной типографии. Их автор — сотрудница областного Центра детско-юношеского туризма и экскурсий Н. В. Черных (читателям «Уржумской старины» она известна своими размышлениями о крестьянском роде Максимовых в 3-м выпуске альманаха).

Общетеоретическую часть разработанных уроков Н. В. Черных дополнила местными примерами. Так, при рассказе о вятском характере учителю рекомендуется познакомиться с работой выдающегося этнографа Д. К. Зеленина «Народные присловья и анекдоты о русских янтарях Вятской губернии». В ней автор убедительно показывает, что героями многочисленных баек были, как правило, представители центральных уездов —

Вятского, Орловского, Слободского, Котельничского, Нодинского. А славили их вместе с вятцами и нижегородцами сарапульцы, яранцы, галазавцы и уржумцы, вятчанами себя не считавшие.

Правда, и их не минула чаша насмешек. Так, яранцы носили кличку «чистоплюи», жители слободы Кукарки оценивались «по конейке на-ра». Досталось и уржумцам.

Н. В. Черных приводит в своих разработках такую анекдотическую историю, объясняющую их прозвание «свиносадами»: «Когда на дворе стало холодно, задумал мужик поросят, как и курин, на насест посадить. Но поросят не удержаться не мог и упал наземь. Вот мужик и ругается: «Курица на двух ногах на жердочке спокойно сидит, а ты на четырех валяешься».

В. СЕМИБРАТОВ.

✱ Из недавнего прошлого

Опальный поэт из Беларуси

ВЛАДИМИР АДАМОВИЧ ЖИЛКА родился 27 мая 1900 года в деревне Маташи Минской области в семье служащего.

В 1914 году семья переезжает в Минск, а с 1916 года по середину 1917 года семья живет в Калуге. Затем вновь возвращение в Минск. И только в 1921 году семья переезжает на постоянное место жительства в деревню Клетине Копыльского района Минской области. Здесь, на родине отца поэта, его родители Адам Иосифович и Татьяна Опундриевна занимались сельским хозяйством.

Еще в 1915 году Владимир Жилка окончил в местечке Мсер четырехклассное городское училище, потом поступил учиться в Богородицкое агрономическое училище Тульской области. Закончил это училище он в 1917 году.

Летом 1917 года Владимир Жилка приезжает к родителям в Минск, здесь он становится завсегдатаем клуба-театра творческой интеллигенции «Белорусская хата», знакомится с артистами, певцами, писателями. Устраивается Жилка на работу агрономом в государственном имении близ Минска, во главе которого стоял в то время Михаил Чарот. Как раз в этот период Жилка сблизился с Янкой Купалой и начал выступать в издаваемом им журнале «Рунь».

В начале 1920 года поэт заболел туберкулезом легких, до мая пролежал в постели, затем был отправлен на родину отца в деревню Клетине Слуцкого уезда, а в августе 1920 года переехал к родным матери в деревню Подлесье, находившуюся близ станции Городея. Там его и застало советско-польское перемирие, а установленная по Рижскому миру граница отрезала его от Советской Белоруссии, от родных и знакомых.

В деревне поэт включается в работу подпольной организации, руково-

дил которой сосед Жилки Илья Николаевич Минкулич, бывший красноармеец. Молодой поэт писал для повстанческой группы стихи и воззвания, которые печатались на шпирографе.

В конце 1921 года Жилка, опасаясь преследований и призыва в польскую армию переезжает в Вильню, где сблизился с руководителями Белорусской революционной организации (БРО), выделенной из левых эсеров и впоследствии вошедшей в Компартию Западной Белоруссии.

Его друзьями становятся руководители БРО известный поэт и драматург Леонид Радзевич и публицист Нина Новичевская. Взаимные симпатии связывают Жилку с видным прозаиком и критиком Максимом Горещиным. В чех изданных «Наша думка», «Белорусские ведомости» с мая 1924 года печатался Жилка.

После репрессий, летом 1922 года Жилка переходит границу с Литвой, лечится на курорте в Бирштонах, затем поступает в 10 класс Дановской белорусской государственной гимназии, но в начале нового 1923 года переезжает в Вильню, чтобы по рекомендации белорусских общественных просветительских организаций учиться в Праге для продолжения образования в числе других стипендиатов Чехословакии, помогавшей таким путем угнетенным национальным меньшинствам славянских народов готовить свою интеллигенцию.

В Праге Жилка сотрудничает в студенческом журнале «Прамень», являвшимся трибуной прогрессивной мысли белорусского студенчества в Праге.

В 1926 году Жилка приезжает в Минск на конференцию по реформе белорусского языка и остается на Родине, работает в редакции газеты печатает стихи переводы, рецензии в журналах и в белорусских газетах. В 1927 году поэт издает сборник «3 лалей Заходняй Беларусі», в 1932 году в его переводе выходит поэма Бруно Ясенского «Слова про Якуба Шалю».

Вот такова в сжатом виде биография поэта. Один из белорусских публицистов Владимир Колесник, пишущий о поэте Жилке так говорит о последних годах жизни поэта: «...Последние два года жизни Владимир Жилка провел в г. Уржуме Вятской губернии, работая учителем литературы в медицинском техникуме. Там же он и умер 1 марта 1933 года от туберкулеза легких и похоронен на городском кладбище».

За этими скрупами строчками стоит многое из трагичной судьбы поэта. В

Уржум он был направлен в ссылку. В период первой волны репрессий, когда гонениям подвергались люди, обвиняемые в национализме. Ему, Владимиру Жилке, в вину было вменено то, что в свое время обучался он в Праге в буржуазной Чехословакии.

Последние годы жизни были очень трагичными для поэта. Будучи оторванным от Родины, друзей, знакомых он еще был разлучен и с семьей. Жена Римма Марковна оставила опасного поэта. А девятимесячную дочку Наталию вошла на воспитание бабушка, мать Владимира Жилки Татьяна Онуфриевна.

По приезду в Уржум Жилка какое-то время не мог нигде устроиться на работу. Местные начальники опасливо отказывались от услуг ссыльного поэта. Какое нужно было самообладание ему, знавшему несколько европейских языков, грамотному и интеллигентному человеку блуждать в поисках работы, порой унижаться перед теми, кто и гроша ломаного не стоил.

Но как говорится «Мир не без добрых людей». Нашлись такие и в Уржуме. Один из них Николай Александрович Шерстеников. Он был одним из инициаторов и организаторов Уржумского медицинского училища. Тогда в 1931 году, медтехникум только-только вставал на ноги, набирались первые курсы учащихся.

«Шел сентябрь 1931 года, — вспоминал Николай Александрович Шерстеников, — и только что открывшийся Уржумский техникум вопиел художавый с нездоровым видом человек».

«Я хочу предложить себя на должность фельдшера, в котором нуждается техникум», — были слова посетителя.

Это был поэт из Белоруссии Владимир Адамович Жилка, оказавшийся жителем города Уржума и результате высылки его на временное поселение.

«Мне нужна работа, чтобы жить», — продолжал речь проситель с умоляющим взглядом».

Диалог завершился согласием принять В. А. Жилку на работу завхозом

с предоставлением нескольких педагогических часов по литературе.

Но всего несколько месяцев работал в училище Жилка. Искоре резко осложнилась застарелая простуда туберкулеза легких, свалившись Владимира Адамовича надолго в постель.

Учащиеся и преподаватели техникума не бросили его в беде. Квартирный хозяйка А. А. Рукшишниковна взяла благородную миссию ухаживать и заботиться о больном. Жил Владимир Адамович на втором этаже дома

Здесь на улице Елкина, на втором этаже этого дома, перестало биться сердце поэта.

бывшего земского чиновника. Небольшая светлая комната с двумя окнами на улицу сохранилась и поныне.

Сюда приходили навестить больного его товарищи врачи В. И. Гольдблат, Н. А. Шерстеников. Кстати впоследствии Николай Александрович Шерстеников станет доктором медицинских наук, профессором Вяткинского медицинского института.

Часто навещали поэта и его друзья-преподаватели И. А. Соснович, М. М. Вечерко, М. И. Зубарева, Л. Ф. Шерстеникова.

Это было уже в 1933 году, а еще раньше, когда поэт жил на первой квартире (сейчас это улица Красная) у известнейшего учителя Н. С. Дегенюка, произошла его знакомство с Анной Ивановной Лавровой. Кстати Анна Ивановна и поныне живет в Уржуме.

— Помню, Владимир Адамович частенько заходит во двор дома, особенно летом. Часами мог сидеть и наблюдать как играют мои ребятишки. Однажды подзывает меня и спрашивает: «Где тебя, девочка, ловить?» «Аня Лаврова», — представлялась ты. Тогда поэт подарил ей детскую книжечку с надписью и автографом. К сожалению, книжечка эта уже не сохранилась, но память о поэте жива.

Много времени прошло, с тех пор когда в Уржуме жила В. А. Жилка. Сейчас трудно найти человека, который бы помнил Владимира Адамовича. Недавно розыскать и документы по которым можно проследить о перекрестках этой сложной и трагичной судьбы. Тем не менее мне удалось в Уржумском архиве (фонд 186 дела 14.22) обнаружить документы, из которых и стало известно, что с 8 октября 1931 года в Уржумском педагогическом училище он должен был музработника работала жена Владимира Адамовича Римма Марковна (1908 года рождения, проживающая по адресу: улица Красная-37). Раньше не было точных сведений о пребывании Риммы Марковны в Уржуме. По воспоминаниям было принято считать, что она приезжала на короткое время. Но,

как выяснилось, с самого начала семьи Римма Марковна была с педагогическим. В педагогическом училище работала она до отпуска, до 15 июня 1932 года. Выбыла с работы в отпуск согласно личному заданию. Далее съезд Р. М. Жилин обрывается. Скорее всего она оставила мужа, уехала в Белоруссию.

О самом поэте, а Владимир Адамович уже в феврале 1932 года не работал в медицинском училище, удалось обнаружить ничтолку сведений. В документах средней школы № 1 имени В. И. Ленина (сегодня это школа-гимназия) я нашел сведения о приеме туда на работу Владимира Адамовича. С 1 сентября 1932 года он был принят на должность преподавателя русского языка и литературы. Кстати, вместе с В. А. Жилин с 1 сентября в эту школу пришел и Иван Олимпиевич Соснович, другой учитель, который был дружен с Жилин. Соснович стал работать преподавателем физики и математики.

Интересные сведения о В. А. Жилин сообщил автору этих строк, работник МБРФ (бывшее КГБ) В. Степанов, которому удалось найти следы пребывания В. А. Жилин в Уржуме в архивах УВД.

Прежде всего удалось установить некоторые подробности ареста В. А. Жилин в Минске.

Арестован он был на квартире сотрудниками ГПУ Белоруссии 10 апреля 1931 года. Коллегия ОГПУ рассмотрела дело № 108963 по обвинению по статье 58-10, 11, 47 по обвинению: «Жилин В. А. выехать в Уржум с прикрепленным сроком на 5 лет». Ему инкриминировалось то, что ранее он являлся «...членом партии Бел. эсеров, литератор, в период с 1926 года и по день ареста состоял в литературной группе САВ-СВБ и проводил задачи этой организации (СВБ-Союз Вызволениа Белоруси).

В. А. Жилин в Уржуме жил по трем адресам. В разное время он снимал квартиры на улице Елнина-

33, улице Тургенева-52 и на улице Красной 37.

12 января 1932 года Владимир Адамович написал заявление в Коллегию ОГПУ с просьбой разрешить ему проживание на черноморском побережье Северного Кавказа. Обосновал заявление тем, что у него открытая активная форма двухстороннего туберкулеза легких, первое истощение, малокровие. Лишь 16 декабря 1932 года Коллегия ОГПУ удовлетворила его просьбу, лишив его права проживания только в Московской и Ленинградской областях, в Белоруссии на оставшийся срок. Решение это было объявлено Владимиру Адамовичу лишь 10 января 1933 года.

Вот такие сведения удалось узнать за те два года, что собираю материал о поэте из Беларуси. Кто сегодня знает, как бы развернулись события, если бы раньше было получено решение на смену места отбытия ссылки? Быть может удалось бы поправить здоровье? Но этого не произошло. Мне кажется, что Владимир Адамович ждал лета, чтобы уехать из Уржума, но судьба распорядилась по-другому.

Умер Владимир Адамович 1 марта 1933 года, еще утром продиктовал он Николаю Александровичу Шерстенинскому текст открытки на имя брата поэта (у В. А. Жилин было два брата Борис и Константин). «Болен опасно, как никогда. Вопрос о смерти не ходит в очередного порядка. Обращаться к Петрику Настасю, чтобы прислали по сто рублей. Нуждается. Выздоровею, верну. Будь сильным». Расписался собственноручно Владимир Адамович.

А вечером по тревоге уржумские друзья собрались вокруг умирающего, который время от времени бросал оживленные взгляды на присутствующих, беззвучно шепеля губами. В 6 часов вечера перестало биться сердце поэта.

В последний путь покойного провожали учащиеся, учителя техникума. Похоронен Владимир Адамович воле одной из центральных аллей город-

ского кладбища. За его могилкой любовно ухаживает Варвара Алесеевна Лещенко.

Варвара Алесеевна в годы войны воссала в составе одного из партизанских отрядов в Белоруссии.

Она долгие годы вела переписку с дочерью поэта Натальей Владимировной Лазаревой.

Немного оставил в памяти торгаш поэт Жилин. И сожалению, до сих пор является загадкой и исчезновением его архива. Кто-то, представившись братом поэта, взял его у хозяйки. Быть может, это был кто-нибудь из

друзей поэта? Может быть надеялся сохранить стихотворные строки Владимира Жилин? Как знать. Потом были 37 и 38 годы и едва ли уцелели в молохе того времени листки, написанные поэтом.

До нас дошла лишь его предельная поэма-завещание «Тестament». ...Скромное надгробие с фотографией в металлической оградке под березов. Весной на могиле беложелтые цветы земляники, летом аленют красные ягоды, словно капельки крови...

В. ВЕТЛУЖСКИХ.

Листая пожелтевшие страницы Уржумов. — Значит из Уржума?

Большинство наших фамилий, пожалуй, можно по происхождению (по информации, которую они несут нам о предках) свести к трем основным группам: прозвищные фамилии (Баранов, Нозоселов, Саложников, Тулицин...), патронимические (Иванов, Петров, Сидоров...) и топонимические (Ватчинин, Колшеров, Ложенин, Усольцев...).

Видимо, к последней группе следует отнести и фамилию Уржумов (Уржумцевы). Фамилия — как фамилия. Достаточно редкая, но не редчайшая. Встречается и на Вятке (столоничники Вятской палаты государства князя имущества Николай Артемьев Уржумцев — 1841 г., крестьянин села Новый Бурец Малмыжского уезда Т. Л. Уржумцев — 1915 г.; кировчанин А. П. Уржумцев — 1983 г.), и на Урале (мастерские Невьянского завода — с начала завода и до наших дней). Даже попала в литературу (автобиографическая повесть Аркадия Аполлоновича Черушина «Братья Уржумовы» — «Каторга и ссылка», № 22). Фамилия — как фамилия. Как-то связана с городом Уржумом или...

Любопытную информацию о родоназачальнике невьянских Уржумцевых дает ландстретский перепись М. Воронцова. Вельяминова 1717 г. (ЦГАДА, фонд 271, дело 624, лист 661).

«Во дворе Михайло Гаврилов сын

Уржум 70 лет У него жена Ирина Савельева дочь 60. Дети Семен 15, Огафей десяти лет. Родом он Михайло зоткин Господ Строгановых Нового Усоля крестьянин пришел на оный завод в 1707 году и работает асыкую работу.

В переписной Елизарова по вотчинам Строгановых 1646 года («Труды Пермской архивной комиссии», выпуск 2, Пермь, 1893) в «слободе Нового Усоля, на реке Камен, нивках Уржумов не отмечено. Конечно, в те времена они могли жить еще на Уржумке-речке и объявились у Строгановых после 1646 года, а в своем возрасте Михайло Гаврилов просто ошибся. Но могло быть и так, что прозвище Уржум родилось на Усолье и не имеет прямого отношения к городу Увиденной Белки. Или иначе: Уржум — от «вижу белку» все равно, что Арбан от арбы или Хлынов от птичьего «хлы-хлы».

Истину ради замечу, что в Строгановских владениях в 1646 году все же проживал крестьянин с интересующим нас прозвищем. Правда, не в Усолье, а в Чусовском городке. Это подворник, некоего Ивашки Пантелеева — сына повара, Василья Онтропьев сын Уржум.

В. ЛЮБИМОВ.

Владимир Александрович Любимов — сотрудник областного объединенного музея.

✱ Присловья. Поговорки

«Сарда да Красна Гора — оглобля тверда»

В ЭТОМ выпуске издатель публикует материал, подготовленный читательницей из города Кирова М. А. Холкиной. Муза Алексеевна в свое время жила в деревне Сарда и хорошо помнит, по рассказам родителей, многие присловья, шуточные прозвища близлежащих и дальних населенных пунктов. Вот эти присловья.

У Марчат — себани урчат.	В Дуброве — избы новы, что те игрушечки!
Косовка — воровка.	В Ветлуге — ни тасников, плуги (Ветлужское — починок).
Миково — забрало рано деревня распалась).	В Орешнике — одни грешники (безбожники, сгонщина).
В Варзание — пекут буханки.	В Переводе — все в извозе, а дома увязли в извозе.
Табеново — замесало (скотины, овец много).	В Бетошкине — играют пустыми ложками.
Вострянина — поганна.	В Комарове в Паутове — меду по полове.
Сарда да Красна Гора — оглобля тверда (упрямый нрав стариков, которые жили в этих деревнях).	Тулубель — дубова колода, сенной пень.
Федоровский починок — обулись в ботинок.	В Мазарах — козлушка в амбарах.
Пердегово — забегало (бывшее название деревни Первалово).	У Вершинит — научат пчел шнырять (разводить пчел).
Синово — воспикало.	В Котелках — лапотники, гробовщики хороши, а едят тину (бедность, нищета).
У Черных — много котлов злых и черных.	В Печочине — золото бочками.
Скрябино — подолы бабыны.	Теребиловка — кормиловка (там был постоянный двор для ямщиков).
Шины — драмы бархатны штаны.	В Антоново — девки барские тонкие.
В Ковшах — все во вшах.	Мачехино — богато, гребут денежки лопатой.
В Чакском — одарят лаской.	В Уржуме — что на буме, один торг да ярмарки.
В Аркуле — все карнают (сплетничают).	
Ошны — сели на горшки (в деревне жили говчары).	
Мысы — богаты, плешивы псы.	
В Сладке — не бабы, а павы да утки.	

М. ХОЛКИНА.

Наш топонимический словарь

ВИТЛЯ. Деревня, входившая в состав Лопьялского сельского Совета, колхоза имени Ленина.

Витля-юд-ляй. «Юд» — вода, «ляй» — речной суффикс.

ШУНГУНУР. Бывшая деревня, входившая в состав Больше Ройского сельского Совета.

Деревня сегодня не существует. Име-

ла второе название — Шамша. Шунгур — шунго-нур. Шунго — кочка, колдобина. Нур — поле, поляна. Шунгур — поле (поляна) с колдобинами.

Шамша — слово немарийского происхождения. Оно видимо, отгидронимное Шам — топоним, плюс ша — речной суффикс. Этот топоним более древний.

✱ Люди. События. Факты.

Возрождение духа

Пасхальница седмица 1992 года ознаменовалась для жителей села Вершинита важным событием. Здесь было освящено здание Успенской церкви.

Церковь эта была построена еще в 1903 году, а в 1904 году был образован приход. Но в тридцатые годы храм в Вершинитах был разорен. Спали кресты, колокола, разрушили звонницу. Да и внутри церкви все было порушено, растащено. Чудом сохранилось лишь несколько икон с разграбленной церкви. Их-то в первую очередь и принесли в церковь прихожане после перерыва в несколько десятилетий.

Хлопоты по возрождению храма пришел на себя Николай Леонидо-

вич Созонов, церковный староста, вновь освященной церкви.

Еще раньше, благодаря старанию Н. Л. Созонова в Вершинитах была освящена комната воскресной детской школы, занятия в которой вел Н. Л. Созонов. На освящение прибыл настоятель Троицкого собора города Уржума, благочинный храмов Уржумской округи священник Александр Зверев. Он то и изображен на снимке, который сделал издатель в декабре 1991 года в Вершинитах. Вместе с диаконом Никодимом отец Александр Зверев провел молебен.

Возрождаются один за другим уржумские храмы, дай-то Бог, чтобы вместе с ними начали возрождаться дух и нравственность наши.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

С опозданием, но все-таки вышел первый в 1992 году выпуск альманаха. Он двучастный. Вызвано это трудностями издателя, трудностями экономическими, но никак не отсутствием материалов для публикации. Наоборот, благодаря той заинтересованности, которую проявили читатели альманаха, материалов достаточно, чтобы издавать альманах в течение нескольких лет. Однако, одного желания мало.

Тех средств, что издатель получил от подписки на альманах, хватит лишь на первый его выпуск. Поэтому нет никакой гарантии, что выйдут также второй и третий выпуски. Тем не менее материалы есть, в планах издателя оба выпуска значатся. С этого номера я вынужден установить договорную цену на альманах. Понятно, что та стоимость, которая устраивала меня в прошлом году (по 3 рубля за книжечку), сегодня смехотворно мала. Этих средств не хватит, пожалуй, даже и на бумагу, я уже не говорю о типографских расходах, которые почти удеситерились (в сравнении с первым выпуском альманаха в 1991 году). Прову не беспокоиться подписчиков, если возможность появится, я обязательно вышлю очередные выпуски альманаха всем, как высылаю этот первый (в 1992 году). Ну, а если нет, не извините. Что бы ни случилось, я надеюсь, что рано или поздно удастся возобновить выпуск альманаха. Только бы быстрее стабилизировалась ситуация в стране. При сегодняшней стоимости цен на бумагу и услуги частных изданий обременительно и убыточно (при малых тиражах, кеновым и издается альманах). Тем не менее надежды и нетерпю.

Издатель вынужден внести коррективы в план публикации материалов. И большому сожалению и откладываю публикацию «Месцеслова» краеведа Б. Лепихина из Кирово-Чепецка.

Второй выпуск (№ 8) будет посвящен известному поэту Н. Заболоцкому. Он уже в наборе. В третьем выпуске читатель увидит материалы по истории села Цепочино, охотничьи рассказы Г. Курбатова, материал о краеведе А. П. Пентине из Екатеринбург, публикации ученых-историков из Рошнар-Олы, Кирова. Надеюсь дать материалы, подготовленные работниками Кировского госархива, публикацию о репрессированном священнике И. Карякаеве и другие материалы.

Большое всем спасибо, что находите теплые слова в своих письмах к издателю! Спасибо тем, кто своим взносом поддерживает меня в это нелегкое время. Презного благодарен издатель Л. Л. Шуклину из Урижума, который перечислил на счет альманаха добровольную денежную помощь.

Итак, у вас в руках очередная книжечка «Урижумской старины». Каким она получилась на этот раз, судить вам, уважаемые читатели.

ИЗДАТЕЛЬ.

